

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ  
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**  
( Н И У « Б е л Г У » )

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ  
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ  
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ ЮГА РОССИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ**

Выпускная квалификационная работа  
Обучающейся по направлению подготовки  
44.03.05 Педагогическое образование  
по профилю «История и обществознание»  
очной формы обучения, группы 02031302  
Воронцовой Татьяны Эдуардовны

Научный руководитель:  
к.и.н., доцент  
Сергиенко М.А.

БЕЛГОРОД 2018

**Оглавление**

<b>ВВЕДЕНИЕ.....</b>	<b>3</b>
----------------------	----------

<b>ГЛАВА I. ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ( 1917 – НОЯБРЬ 1918 ГГ.).....</b>	<b>13</b>
§1. Формирование политического курса Белого движения.....	13
§2. Специфика военно-политического строительства Белого движения на белом Юге в 1918 г. ....	27
§3. Самоуправление Российского казачества в политической структуре Белого движения .....	41
<b>ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В НОЯБРЕ 1918- НОЯБРЕ 1919 ГГ.....</b>	<b>46</b>
§1. Эволюция структур и политического курса Российского правительства в 1918-1919 гг. ....	46
§2. Русское Политическое Собрание в Париже в контексте международного представительства Белого движения .....	61
<b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....</b>	<b>70</b>
<b>ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ.....</b>	<b>73</b>

## **ВВЕДЕНИЕ**

**Актуальность исследования.** Революционные события 1917 года и гражданской войны — этап всемирного исторического значения, актуаль-

ность его изучения сохраняется до сих пор. Период 1917-1922 гг., от падения Российской империи до образования Советского Союза, был временем активного политического творчества, создания и разрушения различных государственных моделей. Это был период существования двух государственных систем, - советской и белой. Каждая из этих систем обладала всеми атрибутами государственного суверенитета - структурами управления и самоуправления, вооруженными силами, территорией, законодательством и поддержкой определенной части населения. При этом каждая из систем предполагала свое дальнейшее существование только путем уничтожения противостоящей, в чем заключалась жестокая сущность гражданской войны.

Длительное время в отечественной историографии значительное место занимали исследования, посвященные становлению и развитию Советской государственной модели, особенностям партийно-государственного строительства. В 1990-2000-е годы, напротив, активизировались исследования противобольшевистских движений. В научный оборот вводились новые источники. Это способствовало изменению концепций, утвержденных в советской историографии. Однако многим работам был присущ описательный характер, в них отсутствовали четкие выводы, а оценки носили односторонний характер, не лишенный идеализации Белого движения.

Таким образом, с точки зрения исторического опыта, изучение и обобщение материалов по данной теме позволяет выйти на новый уровень исторического синтеза по актуальным проблемам, представляющим сегодня повышенный научный интерес для ученых-историков.

**Объект исследования** – Белое движение в России, его взаимосвязь с военно-политическими и политико-правовыми составляющими.

**Предметом исследования** - проблемы формирования и эволюции политического курса Белого движения, провозглашаемых политико-правовых программ, их развитие под влиянием военных действий, внешнеполитических условий и состояния тыла.

**Хронологические рамки исследования** охватывают период от момента отречения Николая II до момента провала наступления А.И. Деникина на Москву (март 1917 - октябрь 1919 гг.). Общие хронологические рамки включают в себя также отдельные периоды формирования, эволюции политического курса Белого движения и его завершительный этап на территории России.

**Территориальные рамки** исследования включают все регионы бывшей Российской империи и Зарубежья, в которых на протяжении 1917 – 1919 гг. существовали белые правительственные и военно-политические структуры.

**Методологическая база исследования.** Методологическая база исследования строится на фундаментальных положениях теории научного познания, требованиях принципов исторической науки: научности (объективности), историзма. При написании работы мы руководствовались диалектическим методом, который подразумевает за собой формирование политического курса Белого движения в России в 1917-1919 годах в разнообразии проявляющихся связей и отношений. К методологической основе данного научного исследования относятся методологические положения значимых личностей как в мировой, так и отечественной исторической мысли.

Процесс формирования и эволюции политического курса Белого движения рассматривается с точки зрения взаимной обусловленности различных событий. Исторические факты отражаются объективно с соблюдением равнодействующего вектора в дискуссиях о политико-правовых аспектах антибольшевистского и Белого движения. Выводы сделаны на основе сопоставления различных источников, с учетом степени их достоверности.

Использованный историко-сравнительный метод исследования позволяет нам проследить эволюцию политического курса Белого движения с 1917 по 1919 года. В работе также применялись следующие общенаучные методы: анализ, синтез, обобщение, систематизация. Помимо общенаучных

использовались также специально-исторические методы: системный и сопоставительный сравнительный и другие, изложенные и обоснованные в трудах отечественных ученых по теории методологии и историографии и библиографии.

Совокупность использованных методов, а также комплексный подход к источникам определил достоверность и обоснованность сделанных выводов.

**Степень изученности проблемы.** Переходя к оценке степени изученности темы, следует обозначить специфику понимания термина Белое движение. Современная отечественная историография Белого движения в гражданской войне достаточно обширна. Проблематику особенностей политического устройства в различных государственных образованиях Белого движения нельзя считать малоизученной. В отечественной историографии много внимания уделялось специфике формирования политических режимов в различных регионах бывшей Российской империи. В советской историографии политическое устройство большинства белых режимов определялось термином «диктатура».

Исследователи 1920-х гг. отмечали военный характер белой власти, выделяя его особым термином «генеральская контрреволюция» (в отличие от «демократической контрреволюции», с присущим ей коллегиальным, представительным характером). Внутренняя политика белых правительств изучалась менее активно, чем операции белых армий. Из исследований 1920-1930-х гг. следует выделить работы Н.Е. Какурина<sup>1</sup>, отмечавшего общие черты политического курса белых правительств.

Вопросами деятельности Белого движения также занимался А. Гуковский который охарактеризовал специфику аграрно-крестьянской политики врангелевского правительства<sup>2</sup>. Д. Кин отразил различные стороны политического курса южнорусского Белого движения. В обширной

---

<sup>1</sup> Какурин Н.Е. Как сражалась революция. – М., 1990. – 431 с.

<sup>2</sup> Гуковский А. Аграрная политика Врангеля // Разгром Врангеля. 1920. – М., 1930. – 88 с.

монографии «Деникинщина»<sup>1</sup> он показал процесс принятия и реализации различных правительственных постановлений и законов, отношение к ним со стороны различных политических группировок. В трудах Кина и Гуковского проводился анализ белогвардейской внутренней политики, как этапа разрешения политических и правовых проблем России начала XX века.

Однако с начала 1930-х годов утверждение однозначных оценок в историографии гражданской войны коснулось и истории контрреволюции. Историография этих лет характеризовалась тем, что конкретное изучение политического курса белых на базе новых источников подменялось, нередко, пересказом уже введенного ранее в научный оборот материала. Несколько особняком от официальной историографии стояли исследования А.В. Четыркина<sup>2</sup>. В Исторических записках (1941 г.) им была опубликована статья, в которой анализировалась внутренняя политика деникинского правительства и вводились в научный оборот материалы Отдела пропаганды Особого Совещания, характеризующие положение тыла ВСЮР. Однако в целом, в 1930-е, 40-е гг. развивалось главным образом изучение региональных проблем истории гражданской войны, особенно подпольного и повстанческого движения.

В монографии Л.М. Спирина «Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.)»<sup>3</sup> характеризовалась специфика политических партий и организаций, поддерживавших Белое движение. В 1980 г. проблема истории непролетарских партий России в 1917 г. и в годы гражданской войны получила разностороннее освещение в одноименном сборнике. Г.З. Иоффе<sup>4</sup> дал оценку основных черт политического курса контрреволюционных правительств на Востоке России, показав закономерность их краха.

---

<sup>1</sup> Кин Д. Деникинщина – М., 1927. – 275 с.

<sup>2</sup> Четыркин А. В. Развал тыла и разложение армий Деникина // Исторические записки. – 1941. – №12. – С.3– 38.

<sup>3</sup> Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917 -1920 гг.). – М., 1968. – 436 с.

<sup>4</sup> Иоффе Г.З. «Белое дело» Генерала Корнилова. – М., 1989. – 282 с.

Законопроекты Российского правительства Колчака, Особого Сопровождающего характеризовались автором как сочетавшие «октябристско-кадетские принципы». Формирование «контрреволюционных сил» на Дону в период конца 1917 - начала 1918 гг. рассматривал Ю.К. Кириенко<sup>1</sup>. Политику деникинского правительства изучал А.П. Алексахенко<sup>2</sup>. Первоначальный этап зарождения контрреволюции, роль «военного элемента» в этом процессе исследовал В.Д. Поликарпов<sup>3</sup>.

Работа подпольных контрреволюционных центров в Петрограде и Москве изучали Н.А. Корнатовский<sup>4</sup> и В.А. Клименко<sup>5</sup>. Деятельность кадетской партии в годы гражданской войны, ее влияние на разработку политического курса Белого движения подробно изучались Н.Г. Думовой<sup>6</sup>.

В 1990-е гг. появились и новые работы по истории Белого движения. Авторы стремились исследовать максимально возможное количество проблем внутренней политики белых правительств и военных действий белых армий. Среди подобных изданий можно выделить монографии С.В. Карпенко о врангелевском Крыме<sup>7</sup>, В.П. Федюка о белом Юге России, а также по истории зарождения и первых походов Добровольческой армии, Белому Дону и Кубани, Белому Крыму 1920 года<sup>8</sup>. Ученые стали выделять многообразие форм политической организации белой власти. Наметилась тенденция к выделению социально-психологических, социокультурных признаков Белого движения. Работой, в которой был представлен анализ Белого движения в целом и отдельных направлений его внутренней и внешней политики стала монография В.Д. Зиминой «Белое движение в

---

<sup>1</sup> Кириенко Ю.К. Крах калединщины. – М., 1976. – 246 с.

<sup>2</sup> Алексахенко А.П. Крах деникинщины. – М., 1966. – 294 с.

<sup>3</sup> Поликарпов В.Д. Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917-февраль 1918. – М., 1976. – 416 с.

<sup>4</sup> Корнатовский Н.А. Разгром контрреволюционных заговоров в Петрограде в 1918-1919 гг. – Л., 1972. – 87 с.

<sup>5</sup> Клименко В.А. Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917– 1920 гг. – М., 1978. – 202 с.

<sup>6</sup> Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. – М., 1982. – 416 с.

<sup>7</sup> Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на Юге России. – М., 2006. – 352 с.

<sup>8</sup> Федюк В.П. Антибольшевистское движение на юге России. 1917-1918 гг. – М., 1996. – 153 с.

России»<sup>1</sup>.

Особое место занимают исследования современных авторов — представителей Русского Зарубежья, потомков участников Белого движения. Г.М. Катков<sup>2</sup> исследовал проблемы подготовки выступления генерала Корнилова, воздействовавших на его деятельность в должности Главковерха. В монографии Д. Леховича<sup>3</sup> описывается биография генерала Деникина, дается подробная характеристика его политических взглядов, его ближайшего окружения.

В историографии Белого движения последних лет следует отметить изучение социально-политических проблем и разнообразные исследования в области военной истории. Тем не менее за последние годы уменьшилось число комплексных, обобщающих исследований. Недостаточно работ, посвященных состоянию белого тыла, анализу экономической политики Белого движения, и особенно таких ее составляющих, как промышленная, аграрно-крестьянская, финансовая, социальная политика, недостаточно работ по идеологии Белого дела. Многим исследованиям свойственна излишняя публицистичность, некритическое отношение к используемым источникам.

Таким образом, историографический обзор показал, что, несмотря на значительное количество работ по истории Белого движения многие аспекты проблемы нуждаются в дальнейшей разработке. В частности, особенности процесса формирования и эволюции политического курса Белого движения в России.

**Цель исследования** – комплексный анализ процесса формирования и эволюции политического курса Белого движения в России в 1917 - 1919 гг. на основе мемуаров и записок его деятелей.

В соответствии с поставленной целью нами были сформулированы следующие задачи:

---

<sup>1</sup> Зими́на В.Д. Белое движение в России. – Волгоград, 1997. – 123 с.

<sup>2</sup> Катков Г.М. Дело Корнилова. - М., 2002. – 240 с.

<sup>3</sup> Лехович Д. Деникин. Жизнь русского офицера. – М., 2004. – 888 с.

1. проанализировать формирование первоначальных элементов Белого движения;
2. рассмотреть и дать оценку первому опыту государственного строительства Белого движения, а также охарактеризовать процесс военно-политического строительства на белом Юге в 1918 г. ;
3. определить специфику формирования политического курса Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918 году;
4. на основе научной литературы проследить эволюцию структур и политического курса Российского правительства в 1918-1919 гг.;
5. обозначить ход процесса формирования Северо-Западного фронта и выделить его военно-политическое значение в Белом движении в 1918-1919 гг.

**Источниковую базу** выпускной квалификационной работы составили сборники документов и материалов, а также опубликованные по отдельности в различных изданиях; мемуары, очерки-воспоминания, дневники и периодическая печать.

В работе были использованы многочисленные материалы опубликованных в России и в Зарубежье авторских воспоминаний участников Белого движения, политиков, военных. Среди них, безусловно, следует выделить «Очерки Русской Смуты»<sup>1</sup> генерала Деникина, «Записки»<sup>2</sup> генерала Врангеля, воспоминания, записки, дневники, очерки П.В. Вологодского<sup>3</sup>, Г.К. Гинса<sup>4</sup>, М. Маргулиеса<sup>5</sup>, генерала А.С. Лукомского<sup>6</sup> и других. Эти источники содержат важную информацию о социальной и политической жизни и общественных настроениях, но степень их достоверности находится в тесной зависимости от личности автора и его политической позиции. Вообще, многие источники по истории Белого движения носят специфический характер,

---

<sup>1</sup> Деникин А. И. Очерки русской смуты. В 5 томах – М., 2002.

<sup>2</sup> Врангель П.Н. Записки, (ноябрь 1916 - ноябрь 1920): в 2-х Кн. – М., 1991. – 544 с.

<sup>3</sup> Вологодский П.В. Из хроники антибольшевистского движения в Сибири. – Харбин, 1924. – 184 с.

<sup>4</sup> Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920. – М., 2000. – 780 с.

<sup>5</sup> Маргулиес М. Год интервенции (сентябрь 1918 - апрель 1919 гг.). – М., 1923. – 364 с.

<sup>6</sup> Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. – М., 2012. – 752 с.

вызванный заметным влиянием политических принципов, идеологических установок.

В серии «Россия. XX век» увидел свет двухтомник уникальных документов «Дело генерала Л.Г. Корнилова»<sup>1</sup> (материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном Главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках). Данное издание, подготовленное под редакцией В.И. Шишкина, отличается фундаментальностью источниковедческого раскрытия темы и позволяет ответить на вопрос о реальности «заговора» против Временного правительства.

Проблема поиска и введения в научный оборот новых исторических источников остается актуальной. В этом отношении весьма своевременными оказались издания межархивных справочников и путеводителей, вышедшие в свет в издательстве РОССПЭН в 1999 - 2004 гг.<sup>2</sup>. За последние несколько лет многие российские издательства выпустили целый ряд мемуаров как руководителей, так и рядовых участников Белого движения.

Также важным материалом для подробного описания деятельности Белого движения материалы являются опубликованные в советский период в различных тематических сборниках, изданных по отдельности, а также документы, опубликованные в «Архиве русской революции»<sup>3</sup>, белоэмигрантских изданиях.

Таким образом, использование данных источников дало возможность опереться на значительный документальный и фактический материал, послуживший основанием для выводов и обобщений. Актуальность темы исследования, ее масштабность, недостаточность разработанности в отечественной и зарубежной историографии дают основание тому, что выпускная квалификационная работа несет в себе **научную новизну**.

---

<sup>1</sup> Дело генерала Л. Г. Корнилова. Август 1917-июнь 1918. – М., 2003. – 1067 с.

<sup>2</sup> Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. – М., 1999. – 688 с.

<sup>3</sup> Архив русской революции в 22 томах – М.,1991.

**Практическая значимость** исследования заключается в том, что материалы данного исследования возможно использовать для организации факультативов по истории в средних и высших образовательных учебных учреждениях. Возможно использование результатов данной выпускной квалификационной работы при изучении истории Гражданской войны.

**Структура дипломной** работы включает в себя введение, две главы, заключение, список источников и литературы.

# **ГЛАВА I. ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ( 1917 – НОЯБРЬ 1918 ГГ.)**

## **§1. Формирование политического курса Белого движения**

Политическая программа Белого движения создавалась под влиянием событий начала XX столетия. После отречения Государя Императора Николая II и Великого Князя Михаила Александровича от Престола, для всех последующих политических образований основными были вопросы их легитимности и легальности, обоснование политической программы контрреволюции.

Большое значение в этом имел фактор преемственности, о котором, например, говорил на Уфимском Государственном Совещании председатель поволжского Комитета Членов Учредительного Собрания В.К. Вольский. Напомнив собравшимся об отречении Михаила Романова в пользу Учредительного Собрания, он предостерег от игнорирования этого факта: «Ведь и само Учредительное Собрание явилось не только как один из величайших актов Российской революции, оно явилось формально преемственным... Формальным актом, который предшествовал ему, явился акт отрекшегося от Престола Великого Князя Михаила Александровича, акт о созыве Всероссийского Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного права, созыв которого был поручен Временному правительству. Таким образом, юридическая преемственность организации власти предшествовала Учредительному Собранию, и ясно, что и той власти, которая должна создаваться теперь, должна предшествовать

государственная преемственность. Разрыв преемственности будет актом, который ослабит самую силу государственной власти»<sup>1</sup>.

Но эволюционный принцип легальности власти, основанной на правопреемстве, противоречил «революционному правосознанию» и «политической целесообразности». Конфликт этих элементов социально-правовой культуры повлиял на эскалацию гражданской войны в России. По высказыванию депутата Учредительного Собрания Н.В. Фомина на заседаниях того же Уфимского Сопещения, «законов революционного времени нет, есть законы старые, есть законы в проекте». А будущий управляющий делами Уфимской Директории эсер А.Н. Кругликов правомерно заметил, что «в период переустройства Государственное право не откристиаллизовано в закон и находится в процессе творчества. Но есть средняя политическая линия, известное правосозидание которой присуще всякой власти. Даже диктатура должна признавать правовые нормы и отвергать изжитые законы. Новая власть будет опираться на писанные нормы с одной стороны и на творимые - с другой». Этот тезис можно отнести к правотворческой составляющей Белого движения<sup>2</sup>.

Провал июньского наступления русской армии и июльский политический кризис 1917 г. способствовали поиску новых вариантов укрепления власти. Созыв Московского Государственного Сопещения в августе должен был обеспечить доверие Временному правительству со стороны ведущих партий и различных государственных и общественных организаций (земского и городского самоуправлений, кооперации, Русской Православной Церкви, военных, финансовых, торгово-промышленных «Союзов», командования армии и флота).

С другой стороны, любые решения созываемого Сопещения носили

---

<sup>1</sup>Уфимское Государственное Сопещение. Протоколы. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ufimskoe-gosudarstvennoe-soveschanie-dokumenty-i-materialy> (дата обращения : 24.12.2017.)

<sup>2</sup>Уфимское Государственное Сопещение. Протоколы. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ufimskoe-gosudarstvennoe-soveschanie-dokumenty-i-materialy> (дата обращения : 24.12.2017.)

сугубо рекомендательный характер и не затрагивали «суверенности» Временного правительства. При невозможности проведения полноценных выборов представительство на Совещании ограничилось делегированием депутатов от отдельных общественно-политических и государственных структур. Такую форму организации власти стали впоследствии определять как «общественный сговор». Данная модель управления - правительство в коалиции с созываемым им представительным совещанием, - проявлялось впоследствии и в Белом движении.

Период июля-августа 1917 г. - важный этап в истории становления российской контрреволюции, период формирования первичных элементов программы. Это было время деятельности третьего состава Временного правительства («второго коалиционного»), по программе своей отличавшихся от первого, постфевральского состава, который еще мог претендовать на некую преемственность от «царской власти» (через посредство назначения его председателя князя Г.Е. Львова отрекшимся Императором). В это время состоялось назначение на должность Верховного Главнокомандующего генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова<sup>1</sup>.

«Революционная демократия» в лице Б.В. Савинкова (управляющий военным министерством) и М.М. Филоненко (комиссар при Верховном Главнокомандующем) рассчитывала с помощью Корнилова укрепить власть Временного правительства. Эти намерения в целом поддерживал и сам Керенский, стремившийся к упрочению своего премьерского статуса. По словам Савинкова: «Керенский принципиально высказался за необходимость твердой власти в стране, и, таким образом, открывалась возможность попытаться поднять боеспособность армии»<sup>2</sup>.

Но все настойчивее заявляла о себе новая политическая сила, также выдвигавшая Корнилова в качестве своего лидера - «контрреволюция справа», по определению Керенского. Эта политическая сила опиралась на

---

<sup>1</sup> Деникин А.И. Очерки русской смуты. - М., 1990 - С.171.

<sup>2</sup> Там же. - С.189.

некоторые организации либерального лагеря, остатки монархических структур и военные союзы<sup>1</sup>. Синтез этих элементов стал основой будущего Белого движения. Политические партии, несмотря на открывшиеся перспективы для работы, связанные с подготовкой и проведением выборов в Учредительное Собрание, нередко уже не успевали отражать всей противоречивости политического положения в России после февраля 1917 г.

Развитие политических процессов в послефевральской России объективно выдвигало на ведущие позиции такие межпартийные и надпартийные общественно-политические структуры, из которых многие строились не на формальном членстве, а на основе личных контактов, совместной работы.

Государственной Думе или в Государственном Совете, в прессе, земском и городском самоуправлениях. Процедура регистрации общественно-политических структур после февраля 1917 г. была существенно упрощена. Согласно Постановлению Временного правительства «О собраниях и союзах» от 12 апреля 1917 г., «все без исключения российские граждане имеют право, без особого на то разрешения, образовывать общества и союзы в целях, не противных уголовным законам»<sup>2</sup>.

В середине мая вступили в силу новые «Правила о регистрации товариществ, обществ и союзов». Для регистрации в особые отделения при окружных судах, предоставлялся только устав, отклонявшийся «в том случае, если устав не соответствовал требованиям действующих законов»<sup>3</sup>. Упрощенная процедура позволяла быстро (регистрация занимала не больше месяца) учреждать новые общественно-политические структуры, если в уставе не содержалось, например, «призывов к свержению новой власти».

---

<sup>1</sup> Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917-1920 гг. – М., 1988. – С. 73.

<sup>2</sup> Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. – М., 1973. – С. 153.

<sup>3</sup> Там же. – С. 161.

Из общественных организаций, ставших позднее элементами Белого движения, в 1917 г. активно работали Союз сельских хозяев и Всероссийский Союз земельных собственников (образован при непосредственном участии Совета объединенного дворянства еще в 1907 г.).

Союз собственников был «открыт» и для крестьян, его руководство рассчитывало на пополнение состава организации за счет зажиточных отрубников и хуторян- землевладельцев. В июле и сентябре 1917 г. в Москве прошли съезды Союза земельных собственников<sup>1</sup>. Были избраны Главный Совет (во главе с одним из основателей партии прогрессистов, председателем Саратовской губернской земской управы Н.Н. Львовым) и Бюро Союза (во главе с бывшим членом Государственного Совета, помощником П.А. Столыпина - В.И. Гурко).

Делегации от Союза участвовали в работе Московского Государственном Совецании и Совета Республики (Предпарламенте). Руководство Союза земельных собственников не только оценивало пути решения тех или иных земельных проблем, но и активно критиковало политику Временного правительства. В итоговом докладе на Пленуме Совета Союза Львов выступил с речью, в которой наметил основные перспективы общественно-политической работы Союза, связанные с возможным участием в выборах в Учредительное Собрание.

После отставки с поста военного министра А.И. Гучков начал работу «по объединению в борьбе с анархией здоровых элементов страны и армии». По его инициативе и при поддержке директоров Русско-Азиатского и Петроградского международного банков — А.И. Путилова и А.И. Вышнеградского было образовано Общество экономического возрождения России. Гучков вспоминал впоследствии: «Мы поставили себе целью собрать крупные средства на поддержку умеренных буржуазных кандидатов при выборах в Учредительное Собрание, а также для работы по борьбе с

---

<sup>1</sup> Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. — М., 1965. — С.122.

влиянием социалистов на фронте»<sup>1</sup>.

В конце концов, однако, мы решили собираемые нами крупные средства передать целиком в распоряжение генерала Корнилова для организации вооруженной борьбы против совета р. и с. депутатов». Тесно связанным с организацией Гучкова — Путилова был Республиканский Центр, возглавляемый инженерами П.Н. Финисовым и К.В. Николаевским, и т.н. Совет Московских общественных деятелей (структура, объединявшая в своих рядах различных политических деятелей и некоторых военных). В Совете большим авторитетом пользовались члены Комитета Государственной Думы. По организации и направленности работы, Совет можно было бы считать преемником Комитета, особенно после официального закрытия последнего.

В свою очередь, в 1918 г. Совет Московских общественных деятелей стал основой для формирования коалиционных, межпартийных объединений - Правого Центра и Всероссийского Национального Центра. К сожалению, секретная документация Республиканского Центра, равно как и Совета Московских общественных деятелей, оказалась уничтожена, а архив Республиканского Центра бесследно исчез после кончины Николаевского в Париже в 1936 г.<sup>2</sup>

Совет ставил себе в заслугу инициативу созыва Московского Государственного Совещания. Авторитет Совета поддерживался благодаря участию в его работе известных политиков и военных (Родзянко, Милюкова, генералов Алексеева, Юденича, Корнилова). Совет пытался объединить военные и политические сферы<sup>3</sup>. На его первом совещании 8-10 августа выступали с докладами члены Союза офицеров и Республиканского Центра. На втором, гораздо более многочисленном собрании (12 октября), выступали

---

<sup>1</sup> Мельгунов С.П. Красный террор в России. — М., 1990. — С.77.

<sup>2</sup> Головин Н.И. Российская контрреволюция в 1917-1918 г.г. — Париж, 1937. — Кн.2. — С.78.

<sup>3</sup> Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917-1920 гг. — М., 1988. — С.103.

генералы Брусилов и Рузский, делегат Черноморского флота Ф.И. Баткин.

Членами Совета были известный правовед, профессор П.И. Новгородцев, философ Н.А. Бердяев, бывший редактор Правительственного вестника в 1913-1916 гг. — князь С.Д. Урусов, бывший товарищ министра внутренних дел Временного правительства С.М. Леонтьев, сотрудник газеты Русские Ведомости А.С. Белевский (Белоруссов). Председателем Совета был избран Родзянко, а товарищем председателя стал генерал Алексеев. Итогом работы первого совещания стало обращение к Временному правительству, написанное Милюковым: «Правительство, сознающее свой долг перед страной, должно признать, что оно вело страну по ложному пути, который должен быть немедленно покинут... правительство должно немедленно и решительно порвать со служением утопиям, которые оказывали пагубное влияние на его деятельность»<sup>1</sup>.

Второй, хотя и немногочисленной в то время, составляющей «контрреволюции» были монархисты. Не имея возможности работать легально, они действовали через структуры, объединявшие военных и политиков и не провозглашавшие открыто монархических принципов. По словам Винберга, «под флагом официальных лозунгов собиралась, объединялась и спланивалась известная группа офицеров, связанных общностью убеждений и чувств, переживаемых в страшную годину бедствий нашей несчастной Родины»<sup>2</sup>.

Из Союза «вышло на патриотическую работу, монархическим принципом проникнутую, много честных, даровитых, полезных, идейных людей». В 1917 г. большинство монархистов поддерживало Корнилова в его намерениях установить в стране режим единоличной власти, рассматривая ее как один из этапов к восстановлению монархии. Правда, сам генерал относился к этим планам весьма осторожно. По свидетельству генерала Деникина, когда Гучков, уже после своей отставки, пытался убедить

---

<sup>1</sup> Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения – Париж, 1951. – С.183-184.

<sup>2</sup> Там же. – С. 187-188.

Корнилова в необходимости переворота с целью возведения на Престол Великого Князя Дмитрия Павловича, то генерал заявил, что «ни на какую авантюру с Романовыми не пойдет»<sup>1</sup>.

В те дни, применительно к планам «монархической реставрации» термин «авантюра» звучал достаточно убедительно. Действительно, никаких сколько-нибудь серьезных попыток, восстановления монархии не делалось, хотя уже летом 1917 г. в общественных настроениях наблюдался рост симпатий к «порядку» и «единоличной власти», ассоциировавшейся с возвратом к монархии.

Наконец, третьей составляющей будущего Белого движения, стали сугубо военные организации, из которых выделялся Всероссийский Союз офицеров армии и флота. Ухтомский справедливо называл его «делом рук Алексеева и офицеров Генерального Штаба». Его руководство составили офицеры-генштабисты — полковники Л.Н. Новосильцев (сокурсник Корнилова еще по Михайловскому артиллерийскому училищу и член кадетской партии, депутат I и IV Государственной Думы), В.И. Сидорин (будущий командующий Донской армией ВСЮР), С.Н. Ряснянский (будущий начальник разведотдела штаба Добровольческой армии), Д.А. Лебедев (будущий начальник штаба Ставки адмирала Колчака в 1919 г.). Генерал Алексеев стал почетным председателем Союза.

В ходе Учредительного съезда в Ставке Алексеев и его, в то время, начальник штаба генерал-лейтенант А.И. Деникин выступили с докладами, которые, по оценке генерала Головина, можно было бы считать своеобразным «психологическим истоком русской контрреволюции». На съезде выступали также члены ЦК кадетской партии П.Н. Миллюков, Ф.И. Родичев, А.И. Шингарев, монархист В.М. Пуришкевич.

Алексеев говорил о «падении воинского духа Русской Армии», но отмечал и отсутствие в стране «той мощной власти, которая заставила бы

---

<sup>1</sup> Там же. – С. 193.

каждого гражданина нести честно долг перед Родиной»<sup>1</sup>. В частной переписке, в своем дневнике Алексеев в июне-июле 1917 г. еще более пессимистично оценивал способности Керенского («фигляр-министра») и на посту военного министра, и на посту премьера.

В отличие от взаимодействовавших между собой военных организаций, у военных и «гражданских» деятелей уже в данный период проявились расхождения в оценке перспектив «контрреволюции». Милюков категорически отказывался предоставлять политическую поддержку Главковерху в том случае, «если его выступление будет иметь насильственный и кровавый характер». В то же время члены ЦК партии Ф.А. Родичев и князь П.Д. Долгоруков не исключали необходимости расширения контактов с военными<sup>2</sup>.

Финансирование Союза офицеров осуществлялось Обществом экономического возрождения России<sup>3</sup>. 10 августа 1917 г., накануне Московского Государственного Совещания, по инициативе Родзянко состоялось частная встреча членов Комитета Государственной Думы и представителей Союза офицеров на квартире у московского городского комиссара, члена ЦК кадетской партии Н.М. Кишкина.

На этой встрече полковники Новосильцев и Пронин выступили с докладами по «программе Корнилова» и заявляли о необходимости «общественной поддержки» генерала. По воспоминаниям Савича, эти доклады производили впечатление «неожиданно-наивных и по-детски необдуманных». Милюков и князь Г.Н. Трубецкой выступали от кадетской партии, говоря о важности, и, в то же время, о невозможности военной диктатуры без массовой поддержки. После этих выступлений можно было бы поверить, что кадеты поддерживают Корнилова. Об ошибочности подобной

---

<sup>1</sup> Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. – М., 1965. – С.145.

<sup>2</sup> Милюков П.Н. По поводу сообщения П.Н. Финисова // Последние новости. – 1937. – № 5825. – С. 19.

<sup>3</sup> Путилов А. Заговор генерала Корнилова // Последние новости. – 1937. – № 5839. – С.53-54.

уверенности говорил Новосильцеву Маклаков: «Я боюсь, что мы провоцируем Корнилова»<sup>1</sup>. Таким образом, накануне выступления генерала Корнилова намечалось формирование военно-политической организации, действующей, однако, в рамках легальности.

В процессе государственного устройства не исключалась возможность использования аппарата Временного правительства после его «очередной» реорганизации (к августу Временное правительство сменило уже третий состав). В политическом плане это означало отказ от «углубления реолюции» и, по сути, полный разрыв с советами рабочих и солдатских депутатов<sup>2</sup>. Сам Корнилов изначально не стремился к единоличной власти, допуская вариант Директории, построенной на основе разделения военной и гражданской ветвей власти.

Летом 1917 г. цель будущего вероятного диктатора заключалась в достижении определенного компромисса с Временным правительством. Позднее эта «средняя линия» отразится и в политической программе Белого движения, в лозунге «непредрешения»<sup>3</sup>. Но в 1917 г. «средняя линия» привела к расколу между правительством и армией.

Сущность «Корниловской программы» периода июля-августа, сводилась к положениям, связанным с условиями ведения войны: применение смертной казни в тыловых частях, милитаризация транспорта и заводов, выполняющих военные заказы. Корнилов не был безоговорочным сторонником военной диктатуры, но в условиях войны и распада армии он считал необходимым сосредоточить себя, как Верховного Главнокомандующего, максимально возможный объем полномочий. Еще при вступлении в должность Главноверха Корнилов утверждал свою

---

<sup>1</sup> Головин Н.И. Российская контрреволюция в 1917-1918 г.г. – Париж, 1937. – Кн.2. – С.28.

<sup>2</sup> Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917-1920 гг. – М., 1988. – С.113.

<sup>3</sup> Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. – М., 1965. – С.158.

независимость от «безответственных политических течений»<sup>1</sup>.

В развернутой форме «программа» была изложена в докладной записке от 10 августа, для обсуждения которой Корнилов специально приезжал в Петроград на заседание правительства.

В ней довольно умеренно проводилось обоснование необходимости укрепления военной дисциплины с правом обжалования солдатами «несправедливых» взысканий в суде, восстановления авторитета офицеров, контроля над комитетами и комиссарами: «В настоящее время без комиссаров обойтись в армии нельзя», но комиссарами должны быть «честные и желающие работать демократы», они «должны являться полномочными представителями Временного правительства, а не каких-либо общественных, политических и профессиональных организаций». Комитеты «смогут при правильном направлении их деятельности послужить могучим средством для внедрения в воинские массы дисциплины и гражданского сознания». Лейтмотивом записки Корнилова было утверждение важности властных, оперативных решений: «Указанные мероприятия должны быть проведены в жизнь немедленно с железной решимостью и последовательностью»<sup>2</sup>.

На Государственном Совещании суть доклада генерала совпадала с вышеупомянутой докладной запиской: правительство должно взять на себя «решимость и твердое непреклонное проведение намеченных мер» по «оздоровлению фронта и тыла» «во имя победы»<sup>3</sup>.

Еще до выступления 3-го конного корпуса на Петроград, в Ставке обсуждались возможные варианты переустройства власти, выработанные при участии Савинкова и Филоненко. Речь шла не только об изменении состава правительства с целью «усиления» премьера. Проект единоличной диктатуры Верховного Главнокомандующего (им мог быть и Корнилов, и Керенский)

---

<sup>1</sup> Деникин А.И. Очерки русской смуты. - М., 1990. – С.31.

<sup>2</sup> Иванов Н.Я. К истории корниловщины //Красная летопись. – № 1 (10). – 1974. – 207-217.

<sup>3</sup> Цветков В.Ж. Государственное Совещание. – М., 1930. – С. 63-64.

был отвергнут из-за «недемократичное»<sup>1</sup>. Проект Директории («малого военного кабинета») во главе с Керенским и в составе Корнилова, Савинкова и Филоненко считался наиболее подходящим в сложившейся обстановке, поскольку сочетал в себе возможности оперативного руководства и, как казалось, пользовался «общественной популярностью»<sup>2</sup>.

Третий проект предполагал создание коалиционного правительства, т.н. «Совета народной обороны». На заседании в Ставке 25 августа обсуждался предварительный состав «Совета». В нем должны были участвовать такие известные военные и политики, как адмирал А.В. Колчак (управляющий морским министерством), Г.В. Плеханов (министр труда), А.И. Путилов (министр финансов), С.Н. Третьяков (министр торговли и промышленности), И.Г. Церетели (министр почт и телеграфов). Предполагалось даже введение в правительство «бабушки русской революции», Е.К. Брешко-Брешковской. Председателем «Совета», фактически премьер-министром, стал бы Корнилов, а его заместителем — Керенский<sup>3</sup>.

Рассматривался и проект объявления Петрограда на военном положении, в связи с приближением немецких войск к столице после падения Риги. Временное правительство 21 августа утвердило решение о выделении Петроградского военного округа в прямое подчинение Ставке, за исключением самой столицы<sup>4</sup>.

Корнилов же получал бы полноту власти согласно привычному для каждого военачальника «Положению о полевом управлении войск в военное время» и при этом не нуждался бы в поддержке Временного правительства. Новым правительством оказался бы «Совет народной обороны», поскольку его председателем становился Корнилов. 25 августа в Ставке, уже без

---

<sup>1</sup> Севостьянов Г.Н. Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т.1 – М., 2003.– С. 175.

<sup>2</sup> Там же.– С. 179.

<sup>3</sup> Севостьянов Г.Н. Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т.1 – М., 2003.– С. 230.

<sup>4</sup> Свод законов Российской империи, Т. 2. – URL : <http://www.runivers.ru/lib/book7372/> (режим доступа : 29.12.2017)

согласования с Керенским, был заготовлен приказ о введении в Петрограде осадного положения и обсуждался вариант триумvirата Керенский-Корнилов-Савинков как высшей формы управления страной до созыва Учредительного Собрания. От имени Керенского в Совещании участвовали Савинков и шури́н Керенского (брат Ольги Керенской) полковник В.Л. Барановский. Генерал-квартирмейстер Ставки, будущий начальник штаба ВСЮР генерал-майор И.П. Романовский согласовал с ними границы Петроградского генерал-губернаторства, в котором предполагалось ввести военное положение. 27 августа была отправлена телеграмма на имя Савинкова, за подписью генералов Корнилова, Лукомского и Романовского: «прошу объявить Петроград на военном положении 29 августа»<sup>1</sup>. Но ни одному из этих планов не суждено было осуществиться. Единоличным диктатором решил стать сам Керенский. Ход конфликта Керенский-Корнилов достаточно хорошо описан в историографии.

Выступление генерала Корнилова не стало неожиданным для членов Союза офицеров, однако оказать ему должную поддержку «союзное» офицерство не смогло, прежде всего, по причине отсутствия должной координации центрального и местных звеньев. Борьба с «Корниловским мятежом» определила не только конфликт между Ставкой и правительством, не только усилила позиции большевиков, но и серьезно осложнила взаимодействие военной и гражданской властей. Но главным результатом «борьбы с корниловщиной», стал, по оценке генерала Головина, «окончательный разрыв внутри той силы, которая вырабатывалась инстинктом самосохранения государственного организма для борьбы против дальнейшего действия разрушительных сил революции»<sup>2</sup>. «Керенский подрывал веру солдатского лагеря в патриотические намерения офицерства. Корнилов окончательно подрывал в офицерстве идею Временного правительства, его хотя бы некоторую легитимность. 26 августа предрешило

---

<sup>1</sup> Севостьянов Г.Н. Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т.1 – М., 2003.– С. 230.

<sup>2</sup> Головин Н.И. Российская контрреволюция в 1917-1918 г.г. – Париж, 1937. – Кн.2. – С.37-38.

26 октября 1917 года»<sup>1</sup>.

Таким образом, установление власти Временного правительства стало началом серьезных перемен в политической истории России. Ожидалось, что «новая власть» будет построена «снизу», на основе «народного волеизъявления» и «народного суверенитета», а не одних лишь аппаратных комбинаций «сверху». Характерной особенностью 1917 г. была всеобщая эйфория от возникших «свобод» и новых возможностей общественно — политической деятельности. Всеобщее, равное, прямое избирательное право казалось универсальным способом решения социальных проблем. «При теперешнем культе народного избрания, — отмечали во Временном Комитете Государственной Думы, - назначение не укладывалось в понимание народа»<sup>2</sup>.

Объективно политическая ситуация складывалась так, что различные общественные силы могли бы объединиться на общей, «контрреволюционной» платформе. Однако, из-за взаимного недоверия, соперничества и подозрений объединиться против «углубления революции» во время выступления генерала Корнилова, не удалось. Приход к власти большевиков активизировал реакционные структуры и их деятельность. Стали создаваться новые организации, опиравшиеся на идеи восстановления прерванной преемственности, «доведения страны до Учредительного Собрания», продолжалось формирование политического курса Белого движения, рост его политической активности. По оценке генерал-лейтенанта С.В. Денисова «первые побеги этого движения надо отнести к тем дням, когда Генерал Корнилов поднял свой голос против Правительства, насаждавшего своим безволием анархию в стране»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же. – С.45.

<sup>2</sup> Красный архив, 1926, № 2(15). – URL : <https://www.twirpx.com/file/1586369/> (Режим доступа : 03.01.2018)

<sup>3</sup> Денисов С.В. Белая Россия. – Нью-Йорк, 1937. – С. 18.

## **§2. Специфика военно-политического строительства Белого движения на белом Юге в 1918 г.**

Приход к власти большевиков вызвал существенные изменения в политических планах их противников. Еще в сентябре 1917 г. появилась т.н. «Быховская программа», составленная участниками «корниловского мятежа» во время заключения их в г. Быхове. Она принципиально отличалась от той, с которой Корнилов выступал месяцем раньше<sup>1</sup>.

Победа в войне, укрепление дисциплины в армии и порядок в тылу — по-прежнему оставались, но первые пункты программы выдвигали обязательные условия для этого - «установление правительственной власти, совершенно независимой от всяких безответственных организаций, — впредь до Учредительного Собрания, установление на местах органов власти и суда, независимых от самочинных организаций».

Так победа в войне непосредственно связывалась с проблемами государственной политики. Последний (6-й) пункт программы провозглашал: «разрешение основных государственно-национальных и социальных вопросов откладывается до Учредительного Собрания». Головин точно определил «Быховскую программу» как «основу Белого движения»<sup>2</sup>.

В ней был сформулирован тезис о непредрешении, а также определен курс на создание военно-политической модели государственной власти, единственно возможной для победы в войне и созыва Учредительного Собрания. «Быховская программа» стала основой «Конституции генерала Корнилова».

В начале ноября 1917 г. участники Белого движения перешли к новым способам действий. Здесь использовались и сохранившиеся структуры легальной власти, в частности Ставка Главковерха и Правительствующий Сенат.

---

<sup>1</sup> Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2 - М., 1990 - С.199.

<sup>2</sup> Головин Н.И. Российская контрреволюция в 1917-1918 г.г. – Париж, 1937. – Кн.2. – С.135.

На совещаниях департаментов Правительствующего Сената от 6 и 23 ноября, созванных по инициативе бывшего министра юстиции С.М. Зарудного, Петроградский Военно-революционный комитет и Совет народных комиссаров были квалифицированы как «самочинные организации, возникновение и способы действий которых заслуживают сурового осуждения». «Преступные действия лиц, именующих себя народными комиссарами, свидетельствуют, что они не останавливаются перед применением насилия над учреждениями и лицами, стоящими на страже русской государственности». «Не признавая законной силы за распоряжениями какой бы то ни было самочинной организации», Сенат готовился «неуклонно исполнять, впредь до Учредительного Собрания и образования власти в стране, возложенные законные обязанности, доколе к тому представляется какая-либо возможность»<sup>1</sup>.

Аппарат Ставки мог стать средоточием для антибольшевистских частей - т.н. «национальных» (Польского корпуса Довбр-Мусницкого, Чехословацкого корпуса) и ударных подразделений, собранных в Могилев в начале ноября. 8 ноября в письме начальнику штаба Ставки генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу генерал Алексеев, находившийся в это время в Новочеркасске, писал о тех перспективах, которые имела Белая борьба с помощью еще сохранявшейся системы управления войсками. Необходимо было перевести на Дон и Кубань «надежные части» и боеприпасы, а также широко оповестить союзные державы о совершившемся перевороте. Создавая в это время структуры будущей Добровольческой армии, Алексеев подчеркивал, что «в вопросах организационных нужно соглашение» со Ставкой, «совместная разработка планов»<sup>2</sup>.

Однако, ни Правительствующий Сенат, распущенный декретом Совнаркома, ни ликвидированная после убийства последнего Главковерха

---

<sup>1</sup> Головин Н.И. Российская контрреволюция в 1917-1918 г.г. – Париж, 1937. – Кн.2. – С.139.

<sup>2</sup> Чубинский М.П. На Дону (из воспоминаний обер-прокурора) // Донская Летопись . – 1923. – № 1. – С. 135.

генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина Ставка не стали легальными антибольшевистскими центрами общероссийского значения. Последними инстанциями в системе управления, действовавшими после октября 1917 г., оказались российские посольства в иностранных государствах. Посол во Франции В.А. Маклаков уже 27 октября телеграфировал своим коллегам в Лондон, Рим и Вашингтон о «насильственном свержении Временного правительства, нарушившего законную преемственность власти в России» и о невозможности «признания правительства вышедшего из бунта». Посол в Дании, барон М. фон Мейендорф телеграммой от 6 ноября 1917 г. предлагал «ввиду анархии в Петрограде и временного отсутствия объединяющего центра для русского представительства... возбудить вопрос о возложении на одного из начальников посольств общего руководства всеми русскими посольствами и миссиями за границей»<sup>1</sup>.

Другим способом «борьбы с большевизмом» стало создание новых центров сопротивления, опирающихся на структуры местной (краевой, национальной) власти. Они обладали определенной легитимностью, создавались на основе выборных органов (краевые и областные парламенты) и представляли различные политические модели (с сильной законодательной или исполнительной властью).

Так сложилось движение «автономизма» или «областничества», означавшее в условиях гражданской войны, по словам Управляющего делами колчаковского правительства Г.К. Гинса, не только «любовь к определенному району, горячее и искреннее стремление способствовать его экономическому и культурному расцвету», но и возможность создать на основе «здоровых клеточек распавшегося государственного организма» антибольшевистское движение во всероссийском масштабе<sup>2</sup>. Этот вариант оказался более эффективным и использовался до осени 1918 г. (до момента

---

<sup>1</sup> Чубинский М.П. На Дону (из воспоминаний обер-прокурора) // Донская Летопись . – 1923. – № 1. – С. 337.

<sup>2</sup> Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920. – М., 2000. – С.69.

созыва Уфимского Государственного Совещания и образования Всероссийского правительства).

С политико-правовой точки зрения опора на местные органы власти придавала устойчивость элементам Белого движения, в условиях отсутствия единого центра. С другой стороны, эта позиция постоянно требовала равновесия интересов региональных властей и центрального военнополитического руководства. На Юге России политической опорой для Белого движения объективно становились Донское, Кубанское и Терское казачьи войска, восстановившие в 1917 г. свое самоуправление.

Еще 14 марта 1917 г. военный министр А.И. Гучков издал приказ № 134, предусматривавший реформирование системы гражданского управления казачества<sup>1</sup>. Приказом объявлялась реорганизация местного управления казачьими войсками на началах широкого самоуправления. Легитимность гарантировалась выборностью возрождаемых структур законодательной (Войсковые Круги, Краевая Рада) и исполнительной (Войсковые правительства) властей, а также войсковых атаманов. В качестве основы предлагалось использовать съезды выборных от станиц (по образцу Уральского казачьего войска).

Образованный в условиях массового «союзного» строительства «Союз Казачьих войск России», возглавляемый оренбургским атаманом, войсковым старшиной А.И. Дутовым, безоговорочно поддерживал действия Корнилова на посту Главковерха и даже после ликвидации «мятежа» не выражал оппозиции опальному генералу. 7 ноября 1917 г. донской атаман, генерал от кавалерии А.М. Каледин заявил, что он и Войсковое правительство «власть большевиков не признают Всероссийской властью», а «Донская область провозглашается независимой впредь до образования общегосударственной, всенародно признанной власти»<sup>2</sup>.

Атаман Дутов приказом по войску № 816 от 26 октября 1917 г.

---

<sup>1</sup> Денисов С.В. Белая Россия. – СПб, 1991. – С.19-20.

<sup>2</sup> Там же. – С. 25.

объявил о «преступности» захвата власти большевиками и готовности «в тесном братском союзе с правительствами других казачьих войск... оказать полную поддержку коалиционному Временному правительству». Но из-за «прекращения сообщения и связи с Центральной Государственной властью» Войсковое правительство «временно, впредь до восстановления власти Временного правительства и телеграфной связи», приняло на себя власть в Войске<sup>1</sup>. Таким образом, казачество, как считалось, могло обеспечить Белому движению ожидаемую поддержку. На Дону стали формироваться кадры Добровольческой армии.

Но скоро выяснилось, что для Войскового Круга «казачья политика» была гораздо важнее решения общероссийских проблем. Круг не собирался «втягивать казачество в братоубийственную борьбу», и формирование «Алексеевской организации» проходило почти нелегально. Единственной возможностью сохранить казачьи войска, как потенциальный «оплот против большевизма», представлялось создание т.н. «Юго-Восточного Союза», призванного объединить в границах федерации донское, кубанское, терское, астраханское казачество, а также горцев Северного Кавказа<sup>2</sup>.

В этом случае будущая белая армия могла бы легально существовать, например, в составе предполагаемых вооруженных сил Союза. В письме Дитерихсу Алексеев признавал, что «юго-восточный угол России - район относительного спокойствия и сравнительного государственного порядка и устойчивости; здесь нет анархии, даже резко выраженной классовой борьбы, здесь естественные большие богатства, необходимые всей России; под покровом силы промышленно-экономической и порядка здесь именно надо создать сильную власть, сначала местного значения, а затем общегосударственного»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Акулинин ИХ. Оренбургское Казачье Войско в борьбе с большевиками. 1917-1920. – Шанхай, 1937. –С. 33-34.

<sup>2</sup> Текст Конституции Юго-Восточного Союза Казачьих Войск, Горцев Кавказа и Вольных Народов Степей.) – URL : <http://constitutions.ru/archives/2429> (режим доступа : 03.01.2018)

<sup>3</sup> Денисов С.В. Белая Россия. – СПб, 1991. – С.27.

Образование Союза стало одним из звеньев в цепочке «областных суверенитетов». В принятой 28 ноября 1917 года в Екатеринодаре «Декларации объединенного правительства Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей» отмечалось: «Гарантируя своим членам полную независимость их внутренней жизни, Союз обязуется содействовать им в подготовке их внутреннего устройства, как самостоятельных Штатов будущей Российской Демократической Федеративной Республики»<sup>1</sup>. Интересно, что апелляция к опыту Североамериканских Соединенных Штатов делалась тогда и сибирскими «областниками», что свидетельствует о популярности политической системы заокеанской державы в после февральской России. Тогда же возник схожий вариант создания автономного объединения Уральского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск — т.н. Восточного Союза. К нему должны были присоединиться «вольные народы Башкурдистана и Казакстана», а также Туркестан. Намечалось объединение с Юго-Восточным Союзом<sup>2</sup>.

Только после того, как на границах Донской области стали собираться отряды Красной гвардии и в самом Ростове власть едва не захватили местные большевики, Каледин «легализовал» Белую гвардию. В Рождественские дни, 26 декабря 1917 г., было официально объявлено об образовании Добровольческой армии. В ее «Декларации» (предполагаемое авторство принадлежало Савинкову) заявлялось и об общероссийских целях: «дать возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства Свободной России, стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли Русской, ее народ, выявит через посредство Учредительного Собрании свою державную волю». Заявлялось, что в ближайшее время необходимо: «противостоять вооруженному нападению красных на юг и юго-восток России»<sup>3</sup>. Общероссийские и региональные

---

<sup>1</sup> Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. — Махачкала, 1927. — С. 167.

<sup>2</sup> Львов Ф. Учреждение Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека // Донская летопись. — 1923 — № 1 — С. 267-268.

<sup>3</sup> Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1 — Берлин, 1922. — С. 286.

интересы оказались взаимосвязаны на первом этапе Белого движения.

Прибытие на Дон Корнилова и других «Быховских узников», а также многих известных политиков-антибольшевиков, поставило задачу их легализации посредством создания новых правительственных структур. Если Алексеев считал важнейшим условием успеха наличие поддержки со стороны различных общественных организаций, оценивал важность контактов с известными политическими деятелями, то Корнилов после августовского выступления рассматривал политические структуры как вспомогательные в условиях приоритета военной власти.

Но, поскольку приходилось считаться с казачеством и политическим окружением Добрармии, в качестве властной модели был утвержден вариант военно-политической коалиции, предполагавшейся еще в августе 1917 г. Был образован т.н. «триумvirат» Каледин-Корнилов-Алексеев, в котором Каледин представлял интересы казачества и создававшегося Юго-Восточного Союза, Алексеев определял политический курс, а Корнилов стал командующим Добровольческой армией.

Вскоре сформировалось и первое белое правительство — Донской Гражданский Совет (по определению Деникина - «первое общерусское противобольшевистское правительство»)<sup>1</sup>. Его функции были законосовещательными и должны были лишь создавать политическую опору триумvirату.

По своему составу Совет был коалиционным, как бы представляя интересы каждого из триумvirата: либералы, деятели кадетской партии (П.Н. Милюков, председатель Московского Центра М.М.Федоров), представители казачества (глава донского правительства, помощник атамана М.П. Богаевский, крупный ростовский предприниматель Н.Е. Парамонов, предоставивший свой особняк штабу армии, депутаты Круга П.М. Агеев и С.П. Мазуренко) и «революционной демократии» (Б.В. Савинков, бывший комиссар 8-й армии В.К. Вендзягольский).

---

<sup>1</sup> Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2 – М., 1990 – С.189.

Нетрудно заметить, что в учреждении Гражданского Совета получила дальнейшее развитие идея коалиционного, совещательного Совета народной обороны, как органа с «громкими именами» (август 1917 г.). Предполагалось также приглашение в его состав социалистов Г.В. Плеханова и А.А. Аргунова, а также деятельницы кадетской партии Е.Д. Кусковой<sup>1</sup>.

В конце января 1918 г. была утверждена т.н. «Конституция» генерала Корнилова. По сути, это был первый развернутый проект политического курса Белого движения. В отличие от программ августа 17-го и «Быховской», в «Конституции» отсутствуют «военные» положения, основное ее содержание по сути — краткая копия деклараций Временного правительства. Корнилов лично составил все ее 14 пунктов (за исключением «аграрного», который «редактировал» Милюков).

«Конституция» включала в частности: «уничтожение классовых привилегий, сохранение неприкосновенности личности и жилища, восстановление в полном объеме свободы слова и печати, всеобщее обязательное начальное образование»; «Сорванное большевиками Учредительное Собрание должно быть созвано вновь. Выборы в Учредительное Собрание должны быть проведены свободно, без давления на народную волю и по всей стране»; «Правительство ответственно в своих действиях только перед Учредительным Собранием, коему оно и передаст всю полноту государственно-законодательной власти.

Церковь должна получить полную автономию в делах религии. Сложный аграрный вопрос представляется на разрешение Учредительного Собрания. Все граждане равны перед судом. За рабочими сохраняются все политико-экономические завоевания революции в области нормирования труда, свободы рабочих союзов, за исключением насильственной социализации предприятий и рабочего контроля, ведущего к гибели отечественной промышленности». Национальный вопрос решался так: «за отдельными народностями, входящими в состав России, признается право на

---

<sup>1</sup> Лембич М. Великий печальник. — Омск, 1949. — С. 12.

широкую местную автономию при условии сохранения государственного единства»<sup>1</sup>.

После распада «ростовского фронта», гибели Каледина и выхода Добровольческой армии в 1-й Кубанский («Ледяной») поход, принципиально ничто не препятствовало оформлению неограниченной военной диктатуры. Отсутствие тыла и собственной территории способствовали этому, однако и в этих условиях не было полного единоначалия в лице Корнилова, удерживали от этого и конфликты с Алексеевым, из-за его покровительства Политическому отделу, вызывавшего недовольство Корнилова.

Подписанное 17 марта в ст. Ново-Дмитриевской соглашение между добровольческим руководством и представителями Кубанской власти, также ставшими «изгоями», после занятия большевиками Екатеринодара, определяло «полное подчинение» Корнилову лишь кубанского правительственного отряда. Сохранялась самостоятельность войсковых структур и оговаривалась перспектива создания Кубанской армии<sup>2</sup>.

Данное соглашение, в целом, устраивало Корнилова. Оно не ограничивало его военной власти, а, напротив, давало ему возможность командовать объединенными силами казаков и добровольцев. Автономия атамана, Рады и правительства, представлялась менее значимой и политически оправданной. Однако позднее, в 1919 г., это соглашение станет одним из предметов политического спора о соотношении центральной и местной власти в государственной системе южнорусского Белого движения.

После гибели Корнилова и неудачного завершения «Ледяного» похода добровольческое командование по-иному стало смотреть на перспективы политического устройства. Не стало многих известных политиков (часть из них после падения Ростова переехала в Киев, часть - в Крым и на Кавказ). Оставшееся военно-политическое окружение Корнилова (Б.В. Савинков, Л.Н.

---

<sup>1</sup> Лембич М. Великий печальник. – Омск, 1949. – С. 15.

<sup>2</sup> Лембич М. Политическая программа генерала Л.Г. Корнилова январских дней 1918 г. // Белый архив. Т. 2-3. - Париж, 1928. – С. 180.

Новосильцев, А. Суворин, В.С. Завойко, В.В. Голицын) утратило свое прежнее влияние. Не было «государственной территории», но было стремление к централизации управления, оправданное при малочисленности армии. Это способствовало утверждению военного единоначалия. Обстановка непрерывных боев, постоянных переходов по кубанским и ставропольским степям не позволяла обратиться к стабильной законотворческой работе.

К концу осени 1918 года Добровольческая армия уже имела «территорию» (в виде отвоеванных у большевиков Ставропольской и Черноморской губерний) и достаточно определенный политический статус. С южнорусским центром Белого движения стали считаться не только российские политики, но и Зарубежье<sup>1</sup>. Необходимость в жесткой диктатуре уже не была столь очевидна, как весной. Потребность в решении многочисленных проблем гражданского управления ставила на повестку дня более четкое разделение военной и гражданской власти. С точки зрения организации общероссийского центра единоличное правление по-прежнему не считалась наиболее эффективным. Сам Алексеев, по словам Деникина, «сошел уже со своей категорической точки зрения на диктатуру, как на единственно приемлемую форму власти»<sup>2</sup>.

В речи при занятии Ставрополя 26 августа 1918 г. командарм Добровольческой хотя и называл ее «Русской Государственной Армией» свободной от «местных больных честолюбий» и «политической борьбы», оставаться «вне политики» было все же невозможно. В той же речи Деникин заявлял: «чины Добровольческой армии, на которых судьба возложила тяжкое бремя управления, отнюдь не будут ломать основное законодательство»<sup>3</sup>.

Но быстро меняющаяся обстановка гражданской войны требовала перемен даже в самой консервативной политической программе. Специфику

---

<sup>1</sup> Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2 – М., 1990 – С.180.

<sup>2</sup> Там же. – С.262.

<sup>3</sup> Там же. – С.265.

формирующейся военно-политической модели Белого движения хорошо выразил начальник Управления юстиции Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России В.Н. Челищев. Он отмечал, что условия гражданской войны диктовали необходимость диктатуры, неограниченной в своих полномочиях, но ограниченной во времени определенной задачей.

Достаточно своеобразно трактовался Челищевым принятый Белым движением термин «национальная диктатура». «Диктатура эта в то же время мыслилась, как диктатура народная, национальная, и поэтому она, имея всю полноту власти, должна насыщаться народной мыслью, быть с нею неразрывной, чтобы в этом общении почерпать свои силы и иметь возможность бороться с силами, старающимися свести ее с пути действий исключительно национальных к достижению поставленной перед ней цели. Соответственно с этим, общение могло вылиться лишь в форму создания законосовещательного учреждения, а на местах - широкого самоуправления»<sup>1</sup>. Такое самоуправление обеспечивало бы прочность социальной базы Белого движения. Ослабление же вертикали «власть — общество» угрожало стабильности белых правительств, ослабляло состояние белого тыла.

Опорой южнорусского Белого движения становились надпартийные общественно-политические структуры. Весной 1918 г. в Москве сформировались Правый Центр и Союз Возрождения России (СВР), претендовавшие на выражение соответственно правого и левоцентристского направлений. В проходивших между ними дискуссиях о форме правления был сделан выбор модели общероссийской власти в форме Директории. Именно этот вариант использовался в первоначальном тексте Основных законов Государства Российского, разработанном совместно Правым Центром и СВР в Москве весной 1918 г.

Таким образом, сохранялась модель управления признанная

---

<sup>1</sup> Денисов С.В. Белая Россия. – СПб, 1991. – С.31.

оптимальной еще летом 1917 г. Причинами этого выбора заключались: в «отсутствии Цинцинната», то есть харизматической личности диктатора; в опасении «реакции», поскольку единоличное правление ассоциировалось с подавлением «гражданских свобод»; в стремлении к компромиссу между различными политическими «сферами», союзными Белому движению. В этой ситуации оптимальным признавался вариант сильной исполнительной власти по модели «Правитель» (единоличный или коллективный (Директория)) — правительство». Данная схема в дальнейшем корректировалась условиями войны<sup>1</sup>.

В сентябре 1918 г. было издано «Временное Положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией». В нем впервые говорилось об учреждении «Особого Совещания» при Верховном Руководителе Добровольческой армии (утверждено Алексеевым 18 августа 1918 г.). Авторство создания такой структуры принадлежало известному политическому деятелю России В.В. Шульгину, составившему общий план ее работы.

Предполагалось и рассмотрение «законопроектов по всем отраслям государственного устройства», и «восстановление органов государственного управления», и «установление тесной связи со всеми выдающимися деятелями по всем отраслям государственного управления»<sup>2</sup>. Следует отметить, что аналогичные структуры уже имели место в Российской империи (в 1878 г. под председательством министра внутренних дел П.А. Валуева работало «Особое Совещание для изыскания мер и лучшей охраны спокойствия и безопасности в Империи», а в годы Первой мировой войны действовало Особое Совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне, а также Совещания по продовольствию, по топливу, по перевозкам и др.).

Подчиненные непосредственно Императору, это были

---

<sup>1</sup> Головин Н.И. Российская контрреволюция в 1917-1918 г.г. – Париж, 1937. – Кн.2. – С.154.

<sup>2</sup> Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2 – М., 1990 – С.182.

координирующие органы, призванные объединить деятельность отдельных министерств и установить контакты с представителями торговопромышленной, финансовой и политической элит (в работе Совещений принимали участие представители Государственного Совета и Государственной Думы, в том числе и сам В.В. Шульгин). Вполне возможно, что похожий статус предусматривался и для белого Юга.

По общему мнению белых военных и политиков Алексеев наиболее удачно подходил на пост руководителя всероссийского Белого движения, однако его скоропостижная кончина 25 сентября ускорила процесс разграничения функций военной и гражданской властей. Генерал Деникин принял звание Главнокомандующего Добровольческой армией, а генерал от кавалерии А.М. Драгомиров и генерал-лейтенант А.С. Лукомский стали заместителями Главкома по политической и военной части соответственно. Завершался «корниловско-алексеевский» и наступал т.н. «деникинский» период в организации власти южнорусского Белого дела<sup>1</sup>.

В историографии существует мнение об исключительно законосовещательном характере деятельности Особого Совещения, его значительной зависимости от воли командования Добрармии.

Таким образом, хотя резолюции Совещения носили рекомендательный характер, они оказали влияние на позицию руководства Добрармии в переговорах с представителями казачества о военно-политическом объединении. Можно отметить также проекты создания на основе Совещения некоего «Русского Национального Совета», призванного стать посредником между иностранными государствами и «государственно настроенной русской общественностью»<sup>2</sup>. Позднее это намерение осуществится в рамках созданного в январе 1919 г. Русского Политического Совещения в Париже (правда, уже иного состава, чем ясская делегация).

---

<sup>1</sup> Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. – София, 1921. – С. 44.

<sup>2</sup> Астров Н.И. Ясское Совещение (из документов) – URL : <https://ns4.elar.ru/guide/1001/537063001/537085001/4887870005> (Режим доступа : 10.01.2018)

Окончание Первой мировой войны изменило характер участия иностранных государств в российских делах. После ноября 1918 г., как отмечалось в телеграмме российского дипломатического представителя в Лондоне К.Д. Набокова омскому министерству иностранных дел (20 февраля 1919 г.), заграничная помощь предоставлялась «уже не для общей цели борьбы с Германией, а для восстановления порядка и законности в России». С этой точки зрения создание «единого российского правительства», признанного равноправного субъекта международного права, становилось насущной потребностью<sup>1</sup>.

Ясское совещание обратилось к союзникам с резолюцией о необходимости широкой дипломатической, финансовой и военной поддержки Деникина. Однако, как отмечалось в книге известного военного историка полковника А. Зайцова, «конец мировой войны не стал началом войны с коммунизмом». 11 ноября 1918 г. (день подписания перемирия на Западном фронте) «оказалось траурным днем» для российского Белого движения<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Астров Н.И. Ясское Совещание (из документов) – URL : <https://ns4.elar.ru/guide/1001/537063001/537085001/4887870005> (Режим доступа : 10.01.2018)

<sup>2</sup> Зайцов А. 1918 год: Очерки по истории русской гражданской войны. Париж, – 1934. – С. 274-275.

### **§3. Самоуправление Российского казачества в политической структуре Белого движения**

Самобытный вариант соотношения военной и гражданской властей, единоличного и коллегиального способов управления сложился в казачьих регионах. Специфика государственных образований казачества опиралась на многовековую традицию особого статуса казачьих войск в Российской империи, что предопределило исторически сложившиеся формы управления. В течение 1917-1918 гг. проходили выборы в представительные органы власти, избиравшие, в свою очередь, войсковых атаманов.

На 1-м Большом Войсковом Круге 26 мая 1917 г. в Новочеркасске были разработаны основы управления Областью Войска Донского. Принципиальное значение имели выборность атамана и признание Круга единственным правомочным органом на территории Области. Устанавливалась вертикаль власти, основанная на синтезе исторически сложившихся структур хуторского, станичного и областного управления<sup>1</sup>.

После установления на Дону Советской власти в феврале и антибольшевистского восстания в апреле-мае 1918 г. структуры управления Областью были, по существу, созданы заново. Основой формирования власти стал созванный 28 апреля 1918 г. в Новочеркасске «Круг Спасения Дона». Структуры власти создавались на представительной основе. Несмотря на то, что характер представительства был далеко не общевойсковой. Созыв Большого Круга предусматривался через два месяца после заседаний «Круга спасения».

Условия вооруженной борьбы обусловили временный отказ от парламентских методов, и избранный 3 мая 1918 г. атаман, генерал от кавалерии П.Н. Краснов настоял на принятии Кругом «Основных законов Всевеликого Войска Донского», в которых исполнительная власть

---

<sup>1</sup> Постановления Большого Войскового Круга 26 мая –11 июня 1917 г.  
– URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009193892> ( режим доступа : 10.01.2018)

фактически объединялась с законодательной (как и в Особом Совещании).

Но начавший свою работу 15 августа 1918 г. Большой Войсковой Круг уравнивал «ветви власти», окончательно утвердив 15 сентября «Основные законы» и 24 августа - «Положение о Войсковом Круге». Донская Конституция провозглашала войско «самостоятельным Государством, основанным на началах народоправства», а «Верховную власть» отдавала Войсковому Кругу. Вряд ли правомерно определять, как это делают некоторые исследователи, Донскую государственность в качестве «президентской республики».

Атаман нес ответственность перед Кругом (вплоть до уголовной), не имел права объявлять войну и заключать мир, распоряжаться финансами, хотя и обладал правом законодательной инициативы, не имел права «вето». Полномочия атамана были обширны лишь в военной области в рамках его статуса Верховного Вождя Донской армии и флота. Независимость судебной власти гарантировали Судебные установления, а постановление Круга от 20 сентября 1918 г. предполагало восстановление Правительствующего Сената как первой структуры общероссийского значения. Роль выборных представительных органов усилило введение Окружных Кругов.

На Кубани в течение 1917 г. сложилась система двухпалатного Парламента (выделившегося из казачьей секции Областного совета) — в форме Законодательной и Краевой Рады, избиравшей войскового атамана (12 октября им стал полковник А.П. Филимонов) и войсковое правительство. Основным закон о положении и управлении Кубанским краем, принятый на сессии 2-й Краевой Рады, делал ее полномочия весьма широкими, обязывая Краевое правительство и атамана согласовывать свои действия с парламентом. Законодательная Рада разрабатывала законы, окончательно утверждаемые Краевой Радой, а атаман мог лишь один раз возвращать в Законодательную Раду закон на доработку. Решения, принимаемые атаманом или правительством, подписывались обеими инстанциями.

5 октября 1917 г. Законодательная Рада приняла постановление о

выделении Края в самостоятельную Кубанскую республику, а 20 декабря Краевая Рада декларировала войсковую собственность на земли, леса и воды, подчинение войсковых казачьих частей своим казачьим командирам<sup>1</sup>.

Утверждение 5 декабря 1918 г. «Временного положения об управлении Кубанским Краем» еще более укрепляло суверенитет Края. Источником высшей власти объявлялась воля граждан, в том числе и неказачьего населения (горцев и крестьян). В «Положении», называемом современниками «кубанской Конституцией», заявлялось: «мысля себя неразрывно связанным с Россией, единой и свободной население, Кубани твердо стоит на прежней своей позиции: Россия должна быть федеративной республикой свободных народов и земель, а Кубань - отдельной составной ее частью»<sup>2</sup>.

Терское казачество, в подавляющем большинстве своем поддержавшее Белое движение, смогло организовать лишь после освобождения Области от Советской власти к началу весны 1919 г. При составлении Временного Положения об управлении Терским Войском, утвержденного на второй сессии Большого Войскового Круга 2 июля 1919 г., использовались уже разработанные «Конституции» Дона и Кубани. В нем также декларировалась высшая власть, принадлежавшая «воле граждан, выражаемая на представительных собраниях». Учреждался статус Большого (учредительно-санкционирующего) и Малого (постоянно действующего) Войсковых Кругов, Войскового Правительства. Полномочия Атамана ограничивались осуществлением исполнительной власти. Примечательно, что Особым Совещанием разрабатывался законопроект об управлении Терско-Дагестанским Краем, согласно которому Область Терского Войска предполагалось уравнивать в отношении управления с горскими округами, и лишь в окончательной редакции проекта отмечалось, что «Область Войска

---

<sup>1</sup> Скобцов Д.Х. Три года революции и гражданской войны на Кубани // Кубань. –1991. – №5. – С.73-74.

<sup>2</sup> Там же. – С.76.

Терского управляется на основании особых правил»<sup>1</sup>.

Политическая система казачества строилась на принципе оптимального разделения полномочий законодательной, исполнительной и судебной власти. Представительство интересов населения казачьих областей гарантировали выборы высших учредительно-санкционирующих структур - Войсковых парламентов и, через их посредство, Войсковых Атаманов. Аналогичная модель утвердилась, с некоторыми отличиями, во всех казачьих войсках в период гражданской войны. В казачьих «конституциях» нередко повторялась структура и понятия основных законов Дона и Кубани.

Показательно, что образованные в 1917-1919 гг. Енисейское и Иркутское казачьи войска опирались на ту же традиционную организацию власти, что и остальные казачьи земли (выборность высших органов, подотчетность атаманов казачьим парламентам и др.).

Авторитет представительных органов власти были у казачества высоки. Так, уральское казачество, ссылаясь на свои «особые», исторические традиции, первоначально вообще отказалось от введения должности войскового атамана, и лишь под воздействием тяжелого положения на фронте экстренный Войсковой съезд (считавшийся верховной властью) 10 марта 1919 г. решил «временно, до освобождения войсковой территории от большевизма, избрать Войсковым Атаманом генерал-майора В.С. Толстова и вручить ему неограниченную власть как над жизнью и смертью воинских чинов, так и над гражданским населением войсковой территории». При этом было решено временно не распускать Войсковой съезд, призванный помогать» атаману.

Подытоживая вышесказанное, стоит сказать, что система «казачьей государственности» была достаточно демократичной. Даже в условиях войны считалось необходимым опираться на выборное начало. Данная модель имела большое значение в политико-правовой истории Белого

---

<sup>1</sup>Временное Положение об управлении Терским Войском, Владикавказ, 1919. – URL: <http://elibr.shpl.ru/nodes/22299#page/1/mode/grid/zoom/1> (Режим доступа : 10.01.2018).

движения. В ней сочетались элементы местного самоуправления с всероссийской военно-политической составляющей Белого движения. Позднее ее использовали в качестве основы для формирования власти на белом Юге (в ходе работы Южнорусской конференции летом-осенью 1919 г.) и даже рассматривали в качестве апробированного варианта для построения власти всероссийской.

## **ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В НОЯБРЕ 1918- НОЯБРЕ 1919 ГГ.**

### **§1. Эволюция структур и политического курса Российского правительства в 1918-1919 гг.**

События 18-20 ноября 1918 года с правовой точки зрения с полным основанием можно считать государственным переворотом.

Широкое возмущение действиями партии эсеров стало причиной оправдательного приговора, вынесенного Чрезвычайным военным судом непосредственным участникам переворота. Адвокатом на процессе выступил В.А. Жардецкий, которому приписывали негласное «соучастие в событиях». Юридическим основанием оправдания считалось, в частности, отсутствие специальных правовых норм, устанавливающих ответственность за выступления против Директории.

Эта оценка событий доминировала во всех официальных заявлениях Совета министров в 1918-1919 гг. Суверенная Директория была составлена из людей различных политических групп, у нее не было прочности цельного камня, она была искусственно склеена из разных кусков, - говорил Гинс в день годовщины образования Временного Сибирского правительства. А возле нее стоял тоже претендент на верховную власть, постоянно заявляющий о себе...осколок Учредительного Собрания... День 18 ноября - великий день преобразования власти Избрание Верховного Правителя окончательно оформило подготовлявшееся всем предыдущим процессом объединение и слияние власти.

Характер ее остался тот же — та же программа, те же временные ответственные задачи, те же органы управления, но иной стала внутренняя прочность: власть стала нерушимой скалой»<sup>1</sup>. Так что особых сожалений по поводу произошедших событий не высказывалось, ведь впереди (как

---

<sup>1</sup> Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917-1920 гг. – М.,1988. – С.154.

считалось) была очевидная победа над Советской властью и легализация нового порядка управления государством через новое Всероссийское Собрание.

Принятие власти всем составом Совета министров было бы повторением неудачного опыта Временного Российского Правительства князя Львова и Керенского»<sup>1</sup>. Вторая альтернатива — признание незаконности переворота и выход из создавшейся всероссийской коалиции, возврат к «областничеству». «Но жребий был брошен, - писал Гинс, - провозгласив лозунг объединения, возвращаться в областничество казалось уже безумием. Страна вновь распалась бы, и мучительный процесс ее собирания мог бы оказаться более трудным»<sup>2</sup>.

В момент собирания страны, при попытке создания общегосударственного центра, областничество может быть только вредно»<sup>3</sup>. Все же на этот путь пыталась встать Башкирия. Уфимская городская дума на заседании 22 ноября осудила переворот, а правительство Башкирии заявило, что «всякого отступления от программы Уфимского Совещания не допустит и никакого правительства, допускающего отступления от него, не признает»<sup>4</sup>. В ночь с 1 на 2 декабря, по инициативе главы национального правительства Ахмета-Заки Валидова и видного эсера В.А. Чайкина, в Оренбурге была произведена неудачная попытка ареста войскового атамана Дутова, поддержавшего Колчака. Позднее башкирские политики встали на путь сотрудничества с Советской властью, а часть башкирских полков перешла в Красную Армию.

Потребовал отмены решения суда над участниками переворота и заявил о своем неподчинении адмиралу Колчаку полковник Г.М. Семенов, занимавший с сентября 1918 г. должность командующего 5-м Приамурским

---

<sup>1</sup> Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920. – М., 2000. – С.307.

<sup>2</sup> Там же. – С.309.

<sup>3</sup> Казанчиев А.Д. Белое движение // Башкирская энциклопедия. – т.1.– Уфа, 2005. – С. 420.

<sup>4</sup> Там же. – С. 422.

корпусом и Походного атамана Амурского и Уссурийского казачьих войск. Правда, конфликт носил сугубо личный характер неприязни к Колчаку, поскольку Семенов не высказывался против единоличной власти, но считал, что ее более достойны Деникин, Хорват или Дутов.

Назначенная «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования действий полковника Семенова и подчиненных ему лиц» не смогла собрать достаточного количества материалов для обвинения Семенова в измене. Вмешательство атамана Дутова и полученные от Колчака должности Главного начальника Приамурского края, помощника Командующего войсками Приамурского военного округа и чин генерал-майора сделали Семенова фактическим «диктатором Забайкалья».

Совет министров избрал «третий путь»: «Вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного Всероссийского Правительства, Совет министров, с согласия наличных членов Временного Всероссийского Правительства, постановил принять на себя полноту верховной государственной власти»<sup>1</sup>.

Таким образом, идея правопреемственности (хотя и достаточно условно) реализовалась в модели новой власти, как соединение легальных структур Совета министров Временного Всероссийского правительства и «наличных членов» Директории. Похожий прецедент имел место в сентябре 1917 г., когда третий коалиционный состав Временного правительства передал власть «коллективному правителю» - Совету пяти (Директории), во главе с директором А.Ф. Керенским.

В 1918 г. власть передавалась уже «единоличному правителю». Следующим постановлением правительства военный министр вице-адмирал А.В. Колчак производился в адмиралы и «ввиду тяжкого положения Государства и необходимости сосредоточить всю полноту Верховной Власти в одних руках, Совет министров постановил: передать временно

---

<sup>1</sup>Правительственный Вестник. Омск. № 1. 19 ноября 1918 г. – URL: <https://www.twirpx.com/file/1210241/> (Режим доступа : 22.01.2018)

осуществление Государственной Власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного Правителя»<sup>1</sup>.

Немаловажную роль сыграл и психологический фактор — предрасположенность к диктатуре со стороны большинства политических участников Белого движения (для военных принцип единоначалия сам по себе неоспорим). По словам Гутмана (Гана) «остановившись на идее необходимости диктаторской власти, никто из инициаторов предстоящего акта не отдавал себе отчета, какова должна быть в жизни эта власть, и какими качествами должен обладать ее носитель.

Горькие опыты коллективной власти — коалиционной и чисто социалистической, приведшей к возвышению ряда поразительно похожих друг на друга, безвольных и ничтожных людей в качестве правителей, и доведшей государство до полной катастрофы — были всем памяты. Все поэтому мечтали видеть во главе новой государственности человека типа Наполеона, или уж по крайней мере Дж. Вашингтона.

Это должен был быть прежде всего человек непреклонной воли, который быстрыми мероприятиями смог бы подчинить народ своим разумным велениям и повести его за собой. Русское мыслящее общество приветствовало бы и подчинилось бы всякому, кто бы сумел в этот тяжкий час истории высоко поднять затоптанное в грязи национальное знамя. Но, мало было одной воли для создания нового государства на пепелище страшного разрушения. Диктатор должен был обладать и государственной мудростью, и дипломатическими способностями. Наконец, для выполнения грандиозного дела нужны были хорошие, столь же энергичные, как и самоотверженные исполнители. Диктатором мог быть только военный генерал, ибо первой задачей новой власти была организация сильной и боеспособной армии.

Так 18 ноября 1918 г. завершилось формирование военно-

---

<sup>1</sup> Правительственный Вестник. Омск. № 1. 19 ноября 1918 г. – URL: <https://www.twirpx.com/file/1210241/> (Режим доступа : 22.01.2018)

политической доктрины Белого движения. Если провозглашение 23 сентября 1918 г. единой всероссийской власти в Уфе означало переход от «областных» рамок к «государственному» масштабу, то «омский переворот» стал не только переходом от «коллегиальной диктатуры» к «единоличной», но и утвердил модель военно-политического управления, ориентированного на скорое и победоносное, как представлялось ее создателям, окончание гражданской войны. Но насколько оправдались бы подобные расчеты — могли показать только время и события на фронте.

Анализируя политико-правовой аспект истории Белого движения на Востоке России в период года после «переворота», следует отметить, что с точки зрения характера политического устройства это был довольно стабильный период. Серьезных перемен в структуре управления не происходило, что дает основание считать в целом оправданной форму «единоличной власти» в условиях войны и разрухи. Аналогично восточной политической модель сложилась и в других регионах Белого движения, что свидетельствует об общности основных программных положений.

Восприятие обществом результатов «переворота» требовалось представить максимально благоприятным для новой власти. «Излишне говорить - заявлялось в правительственном сообщении, - что ныне, после событий 18 ноября, правительство, возглавляемое Верховным Правителем, совершенно не имеет в своем составе реакционных элементов и не одиноко. Оно поддержано все теми же государственными элементами, умеренно социалистическими, кооперативными, демократическими, буржуазными и военными, которые все с самого начала шли за Сибирским правительством». В «Декларации Российского правительства» от 21 ноября, посвященной обязательствам по внешнему и внутреннему государственному долгу, особо подчеркивался факт правопреемства: «Считая себя правомочным и законным преемником всех бывших до конца октября 1917 года законных правительств России (царского и Временного — В.Ц.), Правительство, возглавляемое Верховным Правителем адмиралом Колчаком, принимает к неперемennomу

исполнению, по мере восстановления целокупной России, все возложенные на государственную казну денежные обязательства»<sup>1</sup>.

Статус легальности (хотя и не бесспорный) закономерно предполагал международное признание. Так как Российское правительство полностью признавало все прежние обязательства российской верховной власти, ему официально подчинялось большинство белых государственных образований на территории бывшей Империи и оно обладало государственным золотым запасом, то уже поэтому следовало ведущим мировым державам признать его де-факто и де-юре. А международное признание способствовало бы еще большей легитимности Российского правительства, как носителей «законной» власти.

Подобная логика была характерна для политиков белой Сибири в первой половине 1919 г. Но, за исключением утвержденного в марте т.н. «железнодорожного соглашения» о контроле за движением на Транссибирской и Китайско-восточной дорогах со стороны Межсоюзнического железнодорожного комитета (во главе с министром путей сообщения Л.А. Уструговым) и об охране союзными воинскими контингентами различных участков Транссиба, никаких двусторонних межгосударственных соглашений между правительством Колчака и странами Антанты не было заключено<sup>2</sup>.

Главным документом, определяющим правовой статус новой всероссийской власти стала т.н. «Конституция 18 ноября», официально выраженная в «Положении о временном устройстве государственной власти в России». Пожалуй, точнее всего эту модель обозначил Гинс: «Мы остановились на мысли, что Российское Правительство составляют Верховный Правитель и Совет министров. Законодательная власть Верховного Правителя была ограничена, он стал «диктатором конституционным». Именно в таком неразделимом сочетании двух субъектов

---

<sup>1</sup> Правительственный Вестник. Омск. № 1. 19 ноября 1918 г. – URL: <https://www.twirpx.com/file/1210241/> (Режим доступа : 22.01.2018)

<sup>2</sup> Грэвс У. Американская авантюра в Сибири (1918-1920). – Москва, 1932. – С. 129-130.

власти - Правительства и Совета министров — следует рассматривать понятие «Российское правительство» (нередко под этим подразумевался только Совет министров). Наименование «Российское правительство» было окончательно утверждено Правительствующим Сенатом 29 января 1919 г.<sup>1</sup>

Законодательная власть и законодательная инициатива формально оставались у Совета министров, без предварительного согласия которого не мог вступить в силу ни один правовой акт: «Все проекты законов и указов рассматриваются в Совете министров, и по одобрении их оным поступают на утверждение Верховного Правителя... Все акты Верховного Правителя скрепляются председателем Совета министров и главным начальником подлежащего ведомства». Совмин заменял Правителя в случае «тяжкой болезни или смерти», «отказа от звания», «долговременного отсутствия»<sup>2</sup>. Подчеркивалось, что «по действующей конституции осуществление Верховной власти принадлежит Верховному Правителю совместно с Советом министров». Это подтверждалось не только актом 18 ноября, но и последующими законодательными актами, в частности, новой редакцией статей 99 и 100 Уголовного Уложения 1903 г.

Совет министров постановлением от 3 декабря 1918 г. «в целях сохранения существующего государственного строя и власти Верховного Правителя» скорректировал статьи Уголовного Уложения 1903 г., уравнивая статус власти Верховного Правителя и статус Императора. Была восстановлена санкция, существовавшая в Уголовном Уложении 1903 г. и измененная Временным правительством. Принципиально эти редакции отличались только субъектами посягательств (Император, Временное Правительство, Верховный Правитель). Данные изменения действовали лишь «до установления народным представительством основных государственных законов».

По этим статьям квалифицировались, например, действия

---

<sup>1</sup> Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920. — М., 2000. — С.310.

<sup>2</sup> Там же. — С.312.

большевистско-эсеровского подполья, организовавшего восстание в Омске в конце декабря 1918 г. Но вскоре стала очевидной необходимость выделения дел о большевистской партии и Советской власти в отдельное судопроизводство. В Министерстве юстиции в начале 1919 г. был разработан законопроект «О Государственном бунте». Проект состоял из «Положения о подчинении некоторых преступных деяний, совершенных в целях осуществления бунта, начатого в октябре 1917 г. против власти Временного Правительства Государства Российского, военным судам» и «Положения о лицах, опасных для государственного порядка, вследствие прикосновенности их к бунту, начатому в октябре 1917 г.»<sup>1</sup>.

Самостоятельность Верховного Правителя подтверждалась статусом издаваемых им актов. Законодательная практика белой Сибири в целом повторяла практику Российской империи. «Постановления» Совета министров скреплялись подписями Верховного Правителя, премьера или соответствующего министра и управляющего делами. «Постановления» и «распоряжения» отдельных министерств подписывались министрами, а «приказы» Верховного Правителя, тем более приказы Верховного Главнокомандующего, уже не требовали согласования.

Формально, в этом сложно искать поводы к разногласиям и конфликтам: в практике любого государственного аппарата фигурируют различные категории законодательных актов, вряд ли целесообразно перегружать высшую власть не требующими согласования ведомственными инструкциями и прочей «законотворческой вермишелью» (это входило в компетенцию, например, Малого Совета министров)<sup>2</sup>. Сложность заключалась в профессиональной компетенции, сфере полномочий, которые, например, в отношении железнодорожных коммуникаций, трудно было разграничить между военными и гражданскими властями.

---

<sup>1</sup> Правительственный Вестник. Омск. № 194. 26 июля 1919 г. – URL: <https://www.twirpx.com/file/1210241/> (Режим доступа : 22.01.2018)

<sup>2</sup> Головин Н.И. Российская контрреволюция в 1917-1918 г.г. – Париж, 1937. – Кн.2. – С.159.

Утверждалась и общегосударственная символика и атрибутика. По предложению Ключникова Совет министров 19 ноября 1918 г. постановил считать национальным гимном России старейший духовный гимн Российской Империи «Коль Славен наш Господь в Сионе» (слова М.М. Хераскова, музыка Д.С. Бортнянского). Правила его исполнения повторяли порядок исполнения «Боже, Царя храни»<sup>1</sup>. Постановлением Совета министров (от 9 мая 1919 г.) утверждалась символика Верховного Правителя (флаг и брейд-вымпел с двуглавым орлом)<sup>2</sup>.

Гербом Государства Российского, встречавшимся и на министерских печатях, на денежных знаках и на страницах сибирской прессы стал двуглавый орел, над которым возвышался крест с девизом «Сим победиши». Авторство герба принадлежало казанскому художнику Г.А. Ильину. С орла были сняты областные гербы Империи, исчезли короны, скипетр заменил меч.<sup>3</sup>

Как и на белом Юге, в Сибири практиковалось создание совещательных межведомственных структур. Так, 17 декабря 1918 г. было учреждено «Особое Совещание при Министерстве финансов по .финансированию предприятий, имеющих общегосударственное значение», а также «общепольных» земских и городских расходов, под председательством товарища министра финансов и при участии представителей Минфина, министерств торговли и промышленности, путей сообщения и Государственного Контроля»<sup>4</sup>.

Постановлением Совета Министров от 2 января 1919 г. при Морском министерстве создавалось Морское Совещание в составе помощника министра, Начальников Управлений, чинов строевого состава флота по

---

<sup>1</sup>Собрание узаконений и распоряжений Правительства... 29 сентября 1919 г. №15. – URL: <https://www.twirpx.com/file/2198570/> (Режим доступа : 22.01.2018)

<sup>2</sup> Там же. – URL: <https://www.twirpx.com/file/2198570/> (дата обращения: 22.01.2018)

<sup>3</sup>Хартлинг К.Н. На страже Родины. События во Владивостоке. Конец 1919 -начало 1920 г. – Шанхай, 1935. – С.13-14.

<sup>4</sup>Правительственный Вестник. Омск. № 51. 24 января 1919 г. – URL: <https://www.twirpx.com/file/1210241/> (дата обращения: 22.01.2018)

приглашению<sup>1</sup>. 4 марта 1919 г. под председательством министра торговли и промышленности было утверждено Особое Совещание по топливу «для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны»<sup>2</sup>.

28 марта 1919 г. был создан Комитет Экономической Политики для «разработки общего плана организации народного хозяйства в целях поднятия производительных сил страны, а также законопроектов и общих мер по направлению хозяйственной жизни Государства и согласованию отдельных мероприятий в этой области». В Комитет, возглавлявшийся министром земледелия Н.И. Петровым, входили министры финансов, снабжения и продовольствия, путей сообщения, труда, торговли и промышленности, Государственный контролер. К участию могли быть приглашены «в качестве сведущих лиц представители науки, сельского хозяйства, промышленности, торговли, кооперации и органов городского и земского общественного управления», но точный порядок представительства не устанавливался<sup>3</sup>.

Все эти структуры, в сущности, были призваны улучшить работу аппарата, осуществить, насколько предусматривалось полномочиями, сотрудничество с общественностью, правда, не на уровне широкого представительства, а на уровне отдельных контактов. Несмотря на довольно развитую структуру сложившуюся в Российском правительстве, она отнюдь не гарантировала отсутствие внутренних проблем в его практической деятельности, от разного рода трений между военными и гражданскими властями на самых различных уровнях

Важное значение правительство уделяло разработке проектов выборов

---

<sup>1</sup> Правительственный Вестник. Омск. № 69. 14 февраля 1919 г. – URL: <https://www.twirpx.com/file/1210241/> (дата обращения: 22.01.2018)

<sup>2</sup> Собрание узаконений и распоряжений Правительства... 29 сентября 1919 г., №8-7. – URL: <https://www.twirpx.com/file/2198570/> (дата обращения: 22.01.2018)

<sup>3</sup> Правительственный Вестник, Омск, № 115, 15 января 1919 г. – URL: <https://www.twirpx.com/file/1210241/> (дата обращения: 22.01.2018)

в новое Учредительное Собрание. Постановлением Совета министров Российского правительства от 29 апреля 1919 г. была учреждена Подготовительная Комиссия по разработке вопросов о Всероссийском Представительном Собрании учредительного характера и областных представительных учреждениях. Ей предписывалось рассмотреть материалы по созыву НУС, готовила законопроект об избирательном праве, разработать актуальную в то время модель совещательного органа при Правительстве. Ей предстояло также разработать модель Всесибирского Собрания, созыв которого декларировался еще до омского «переворота»<sup>1</sup>.

Председатель Комиссии А.С. Белевский (Белорусов) был журналистом, а не профессиональным юристом, сотрудником московских «Русских Ведомостей» и в 1918-1919 гг. - главным редактором газеты «Отечественные ведомости» в Екатеринбурге). Будучи членом ВНЦ, он информировал своих товарищей по организации о положении в Сибири. Его заместителем, председателем подкомиссии по областным представительным учреждениям был известный сибирский ученый, историк и географ Н.Н. Козьмин.

Работа Комиссии началась 18 мая 1919 г и продолжалась до конца года. Несмотря на малочисленность (10 членов, не считая Председателя), Комиссия по выборам достигла заметных результатов. По свидетельству Вологодского, назначенного после отставки с поста премьера на должность Председателя Комиссии: «Комиссия довольно много и обстоятельно поработала, накопила достаточно интересного материала... вся основная работа произведена, и остается сделать еще немного, может быть, чисто теоретической работы, чтобы считать работу Комиссии исполненной»<sup>2</sup>.

Наиболее важным итогом работы Комиссии считался проект о выборах в НУС. Этот документ предусматривал сохранение принципа всеобщего, равного и тайного голосования. Однако принцип прямого голосования, в

---

<sup>1</sup> Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1 – Берлин, 1922. – С. 158.

<sup>2</sup> Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917-1920 гг. – М.,1988. – С.122.

данной «четырёххвостке», сохранялся лишь для городов с численностью жителей более 200 тыс. чел. - они приравнивались к отдельным округам. Сам избирательный округ определялся по численности населения в 250-300 тыс. чел. В административном делении округ мог совпадать с уездом<sup>1</sup>. В сельских округах выборы считались двухступенными (в волостях или волостных земствах избирались выборщики, которые, в свою очередь, выбирали большинством голосов одного депутата). С точки зрения интересов населения, данная система была более приемлемой, она позволяла контролировать кандидатов, не допускать фальсификации выборов.

Наконец, преобладание при пропорциональной системе партийных интересов над государственными, тенденция к дроблению партий, стремящихся занять место в Парламенте, никак не устраивало сторонников Белого движения.

Обширные пространства российского государства и сохранившиеся традиции выборов на сельских сходах делали подобный принцип предпочтительнее. При этом кандидат был ближе к интересам своих избирателей, и мог не состоять в политической партии. Активным избирательным правом наделялись «все граждане» по достижении 25 лет, за исключением участников «большевистского бунта» и военнослужащих («армия — вне политики»). Однако «пассивным» избирательным правом военные наделялись, и, таким образом, в будущем НУС вполне могли оказаться командующие белых фронтов и популярные генералы<sup>2</sup>.

Несмотря на достаточно большой объем проделанной работы, Комиссия по выборам НУС так и не осуществила на практике свои проекты. Основной причиной, по мнению омских политиков, следовало считать невозможность проведения выборов в условиях войны, хозяйственной разрухи и, самое главное, недостаточности территории России, «освобожденной от большевизма».

---

<sup>1</sup> Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. – М., 1973. – С. 166.

<sup>2</sup> Там же. – С. 172.

Что же касается проекта выборов Всесибирского Учредительного Собрания, то Комиссией был разработан избирательный закон, в целом повторявший принципы проекта выборов в НУС (всеобщие, равные, прямые для крупных городов, для села двухступенные), при этом во вводимом цензе оседлости (требовалось не менее 5 лет проживания на территории Сибири) явно проявлялись тенденции к сохранению «областных» традиций, к автономизации Сибири<sup>1</sup>.

Результатом работы Комиссии можно было считать «Временное положение об управлении Северным Краем». По оценке Гинса это проект представлял собой обычный бюрократический вариант «генерал-губернаторства, с особым советом при генерал-губернаторе»<sup>2</sup>. Сам Куракин считал, что подобный схематизм в разработке Положения исходил как раз от омских политиков. Но, как бы то ни было, «Временное Положение» утверждало Миллера как Главного Начальника Северного Края, непосредственно подчиненного Верховному Правителю. Его права и обязанности не отличались от принятых в Российской Империи полномочий губернского управления, определенных во 2-м томе Свода законов Российской Империи, к которым апеллировало Положение.

К осени 1919 г. Российское правительство определилось и с пределами полномочий белого Юга. Гинс, ставший управляющим делами Совета министров, представил это как ответ на запрос из Парижа делегации Особого Совещания возглавляемой генералом А.М. Драгомировым<sup>3</sup>.

Настораживал сибиряков «консерватизм» политики деникинского правительства, особенно в отношении земельного (Комиссией А.Д. Билимовича - В.Н. Челищева в Особом Совещании разрабатывался законопроект об отчуждении частновладельческих земель за выкуп) и национального (конфликт командования ВСЮР с правительством

---

<sup>1</sup> Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920. – М., 2000. – С.320-321.

<sup>2</sup> Там же. – С. 324.

<sup>3</sup> Там же. – С. 314-315.

Украинской Народной Республики С. Петлюры) вопросов.

Среди членов Особого Совещания оно вызвало неоднозначную реакцию. Так, по оценке управляющего Отделом пропаганды К.Н. Соколова: «Вооруженные Силы Юга России жили и развивались и в военном, и в гражданском отношении с суверенной независимостью. Подчинение генерала Деникина адмиралу Колчаку приобрело характер бессодержательной фикции. При таких условиях мы не могли не быть поражены притязательностью того ответа, который к этому времени прислало... омское правительство на наш телеграфный доклад»<sup>1</sup>.

Действительно, полномочия, даваемые Омском, допускали гораздо большую степень самостоятельности в сравнении, например, с проектом, разработанным для Северной области. «Полнота власти» заместителя Верховного Главнокомандующего не оспаривалась. Внешняя политика разрабатывалась в рамках МИД, руководство которым и на Юге, и в Сибири еще с января 1919 г. осуществлял один человек — А.Д. Сазонов. Судопроизводство признавалось совместным уже в силу общего следования правовым нормам, принятым в России до «большевистского переворота».

Проявлением приоритета власти Омска в отношении политики белого Юга стали две телеграммы Колчака. В них уже не было прежнего «партнерского» приглашения к сотрудничеству. Наоборот, для устранения наиболее сильного фактора русской революции — крестьянского малоземелья - и для создания надежной опоры порядка в малообеспеченных землях крестьян, необходимы меры, направленные к переходу земли в собственность крестьян участками в размерах определенных норм»<sup>2</sup>.

Другая, так и не отправленная в полном своем тексте, телеграмма содержала негативную оценку действий ВСЮР на Украине. Колчак писал, что «вооруженное столкновение с петлюровскими войсками может иметь гибельные последствия... в сложившейся обстановке более опасны

---

<sup>1</sup> Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. – София, 1921. – С. 161.

<sup>2</sup> Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2 – М., 1990 – С.223-224.

враждебные разногласия и несогласованность, а, тем более - столкновения отдельных частей освобожденной территории... Я отношусь поэтому с полной терпимостью к объявлению Юденичем самостоятельности Эстонии и готов, если это понадобится, временно считаться с фактической независимостью Украины, равно как и с установившеюся восточной границей Польши, если это даст возможность согласовать военные действия наших, украинских, польских и прочих антибольшевистских сил»<sup>1</sup>.

Таким образом, несмотря на правильность политических установок, идущих из Омска не оспаривалась, сам факт «вмешательства» и «рекомендаций» воспринимался на Юге негативно. По оценке Деникина весьма продуктивная деятельность Комиссии по разработке земельного законопроекта Билимовича — Челищева после телеграммы из Омска «получила чисто академическое значение». В то же время в вопросе о конструкции государственной власти на основе федерализма, в вопросах, касающихся восстановления полномочий Правительствующего Сената и отношения к международному суверенитету Российского государства, у белого Юга и Сибири не было принципиальных разногласий.

Проще процесс установления пределов властных полномочий Российским правительством прошел на Северо-Западном фронте. Власть Верховного Правителя выступила по отношению к нему в качестве учредительной, и полномочия генерала от инфантерии Н.Н. Юденича, в качестве командующего фронтом четко определялись Указом Верховного Правителя № 201 от 10 июня 1919 г., в рамках «Положения о полевом управлении войск в военное время» (ПО). Специального законодательства для «Петроградской области», в отличие от белых Севера и Юга не предусматривалось.

---

<sup>1</sup> Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920. – М., 2000. – С.318-319.

## **§2. Русское Политическое Совещание в Париже в контексте международного представительства Белого движения**

С точки зрения достижения общности государственного суверенитета и Белое движение добилось в 1919 г. определенных успехов, о чем свидетельствовало признание власти Верховного Правителя всеми белыми фронтами. Не менее важным было осуществление согласованной внешней политики, что потребовало создания единого российского международного представительства. В конце 1918 г. по инициативе Алексеева параллельно с созданием Особого Совещания, предполагалось наладить также «организацию сношений с представителями держав Согласия, бывших в союзе с нами, и выработку планов совместных действий в борьбе против коалиций «центральных держав»<sup>1</sup>. Для этого считалось необходимым создание структуры способной, во-первых, объединить действия всех заграничных военных и дипломатических чинов, продолжавших свою работу и не признававших Советскую власть.

С конца 1918 г. вопрос о международном представительстве российских интересов был решен учреждением должности общего для белого Юга и Сибири министра иностранных дел, которым стал Сазонов (его полномочия не оспаривались и на белом Севере). После окончания Первой мировой войны, необходимо было добиваться «отстаивания единства, целостности и суверенитета России», «защиты национальных интересов России» во взаимоотношениях с державами Антанты.

По словам приехавшего в Париж премьера правительства Северной области Чайковского, задачи российского зарубежного представительства заключались не только в «признании ничтожными всех обязательств, навязанных России Германией» и во «включении русских представителей во все междусоюзнические Комиссии и Отделы по русским делам, из которых

---

<sup>1</sup> Организация власти на юге России в период гражданской войны // Архив русской революции. Т. 4., 1952. – С. 241.

эти представители были исключены после большевистского переворота». Главной целью признавалось «образование русского политического центра, который служил бы объединению России», и мог бы «доказать Союзным Правительствам и общественному мнению, что Россия способна к возрождению политическому, культурному и экономическому». При этом РПС не претендовало на роль «правительства в изгнании», аналогичного, например, Чехословацкому или Польскому Национальным Комитетам.

Формирование и деятельность Русского Политического Сопровождающего (далее - РПС) проходило при взаимодействии с Российским правительством: с Омском, через посредство Управляющего министерством иностранных дел И.И. Сукина, поддерживалась постоянная связь. Телеграфное сообщение активно использовалось и при контактах с Северной областью, и, особенно, при организации Северо-Западного фронта и наступлении на Петроград весной-осенью 1919 г. Преодолев существенные проблемы, относительно прочную связь с белым Югом (через Константинополь) удалось наладить лишь с весны 1919 г.<sup>1</sup>

Изучение дипломатических успехов и неудач РПС, а также разработанных ведущими российскими промышленниками и предпринимателями весьма интересных финансово-экономических проектов, не входит в задачу данной работы. Следует отметить, что зародившись в качестве российской представительной структуры на момент начала работы Парижской конференции, Сопровождающее фактически стало выполнять задачу «оказания антибольшевистским русским Областным правительствам и борющимся с большевиками отдельным военным организациям всяческого содействия и взаимной координации их деятельности между собою..., установления возможно более тесного сотрудничества с ними Союзных Держав и обеспечения за ними наиболее широкой моральной и материальной помощи Союзников». Эта сторона деятельности РПС, связанная с военно

---

<sup>1</sup> Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. – М., 1965. – С.166.

политической поддержкой белых фронтов, имела главное значение<sup>1</sup>.

Формирование РПС в течение ноября-декабря 1918 г. происходило как совокупности отдельных комиссий, совещаний и отделов, объединенных в своеобразное российское правительство за границей. В окончательном виде Совещание сложилось к февралю 1919 г., представляя собой довольно сложную, разветвленную структуру.

Верховным Правителем были утверждены полномочия и персональный состав руководства РПС - Русской Политической Делегации (далее — РПД), т.н. «четверки» (в нее вошли бывший премьер-министр Временного правительства Львов, российский посол во Франции Маклаков, министр иностранных дел Сазонов и приехавший в феврале 1919 г. в Париж глава ВПСО Чайковский). Позднее в ее состав вошел Савинков. РПД стало своеобразным «исполнительным органом», «Директорией» при Совещании. Практически все официальные заявления РПС, публиковавшиеся на страницах издаваемой в Париже известным российским журналистом и общественным деятелем В.Л. Бурцевым газеты «La Cause Commune» («Общее дело»), подписывались или полным составом РПД или, реже, несколькими ее членами (Львовым, Маклаковым, Чайковским)<sup>2</sup>.

С точки зрения персонального представительства и РПД, и РПС можно считать своеобразной политической элитой Белого движения. Возглавлял РПС и РПД Львов, политик, имевший достаточно высокий авторитет среди иностранных государств, в частности, благодаря своим контактам в среде политического масонства. После «омского переворота» он выехал в Париж через Вашингтон и Лондон и смог встретиться с президентом В. Вильсоном и британским премьером Ллойд Джорджем, пытаясь убедить их в важности признания Российского правительства и расширении помощи Белому

---

<sup>1</sup> Там же. – С.170.

<sup>2</sup> Зайцов А. 1918 год: Очерки по истории русской гражданской войны. Париж, – 1934. – С.185.

движению<sup>1</sup>.

Известный деятель кадетской партии, юрист Маклаков, член ложи «Свободная Россия», был своеобразным «неформальным дипломатическим центром» (хотя ему так и не удалось утвердить свои верительные грамоты в Париже). Сазонов был привержен российской внешней политике до революционных событий 1917 г., имея статус единственного «царского министра» в составе белых правительств. Чайковский (член ложи «Астрея»), как отмечалось выше, обладал влиянием в среде деятелей международной социал-демократии.

Но помимо «демократических политиков» в работе РПС принимали участие такие фигуры, как бывший премьер-министр Российской Империи граф В.Н. Коковцов, бессменный министр финансов во время Первой мировой войны П.Л. Барк, известный философ и экономист П.Б. Струве (представитель Национального Центра), предшественник Сазонова на посту министра иностранных дел, бывший посол в Париже А.П. Извольский и многие другие. Политические действия РПС заключались в проведении линии на последовательную «демократизацию» политических режимов Белого движения.<sup>2</sup>

Отсутствие критики Российского правительства в официальных декларациях РПС и РПД не означало тем не менее отказа от политического давления на белые правительства посредством частных контактов и переписки. Это неоднократно проявлялось в телеграммах Маклакова, Сазонова, Чайковского, отправленных весной-летом 1919 г. министрам и политическим деятелям белого Юга и Сибири. В частности, предлагалось сделать «демократичной» аграрно-крестьянскую политику (она не должна «создавать впечатления о реставрации» прежних правовых отношений поземельной собственности). В официальных декларациях Колчака и

---

<sup>1</sup> Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917-1920 гг. – М., 1988. – С.160.

<sup>2</sup> Зайцов А. 1918 год: Очерки по истории русской гражданской войны. Париж, – 1934. – С.187.

Деникина всячески подчеркивался тезис о приоритете крестьянской собственности, о переходе к крестьянству большей части бывших частновладельческих земель<sup>1</sup>.

Другим, не менее важным признаком «демократизма» РПС считало создание выборных, представительных органов власти, обеспечивающих «демократическое обоснование» белой власти. В этом отношении показательны обращения РПС к «державам мира» от 29 января и 15 апреля 1919 г. Как писал в отчете о работе РПС Чайковский результатом этих действий стало «опубликование ряда программных деклараций как Омским, так и Екатеринодарским Правительствами, в которых с достаточной определенностью было сформулировано их стремление строить новую Россию на свободных демократических основаниях, через созыв, при первой возможности, Учредительного Собрании на основе всеобщего избирательного права»<sup>2</sup>.

При обсуждении вопросов о послевоенном устройстве Европы русская делегация не отступала от своей позиции «непредрешения», считая, что вопросы государственного суверенитета всех новообразований, возникших после распада Российской империи, следует признать лишь «де-факто». Никакой вопрос об отделении от России какой-либо ее части, а также об установлении форм будущих отношений России к отдельным народностям, принадлежавшим прежде к составу Российского Государства, не может быть разрешен окончательно без постановления о сем будущего Всероссийского Учредительного Собрании.

Только после созыва Учредительного Собрании следует определиться как с их границами (считалось, что это особенно важно для независимых Польши и Финляндии), так и с размерами выплат долга российской казне за оставляемую на их территории инфраструктуру, с сохранением у России права защиты своих соотечественников, православных приходов и

---

<sup>1</sup> Спириин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917 -1920 гг.). – М., 1968. – С. 138.

<sup>2</sup> Там же. – С. 145.

монастырей и других, важных для всех договаривающихся сторон, вопросов. РПС и РПД выступили с категорическим осуждением ввода румынских войск на территорию Бессарабии, причем редкое единодушие было достигнуто здесь между представителями всех политических групп Русского Зарубежья (от Коковцева до Авксентьева). Было заявлено о недопустимости пересмотра Китаем Кяхтинских соглашений 1915 г. относительно статуса Внешней Монголии (ее нейтралитета), а также о совместных российско-норвежских правах на архипелаг Шпицберген.

Одним из направлений работы РПС стало достижение реального военно-политического взаимодействия белых фронтов, среди которых особое место отводилось Северо-Западному фронту. Большое значение имели не только военные поставки, но и дипломатическая поддержка, и попытка разрешения проблемы получения помощи со стороны Эстонии и Финляндии. Чайковский отмечал, что «при организации власти в Петрограде, нужно, прежде всего, исходить из мысли, что эта власть должна быть не более, как временным областным Управлением, подчиненным Всероссийскому Правительству в Омске», и что следовало бы «заранее принять меры к систематическому... согласованию и разграничению сферы действия гражданской и военной власти»<sup>1</sup>.

Немаловажное значение, с точки зрения оказания военной помощи Белому движению, имела деятельность военной комиссии РПС во главе с генералом Щербачевым. Его официальный статус первоначально определялся как «Военный Представитель Армий Юга России при Союзных Правительствах и Союзном Верховном Командовании», а затем как Военный Представитель Верховного Главнокомандующего при Союзных Правительствах и Союзном Верховном Командовании.

Большое значение имела также деятельность РПС по восстановлению работы Российского отделения Международного Красного Креста, по оказанию помощи российским военнопленным в Германии, по созданию

---

<sup>1</sup> Мельгунов С.П. Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. – Париж, 1929. – С. 133.

финансовой структуры, способной организовать взаимодействие отечественного и иностранного капиталов.

В русле выработки общероссийского политического курса Белого движения следует рассматривать визит делегации, которую возглавил председатель Особого Совещания в Париж. 7 июня 1919 г. Деникин составил «Наказ» делегации во главе с председателем Особого Совещания генералом Драгомировым. В «Наказе» была обозначена цель поездки: «По прибытии в Париж Вы имеете, при содействии Министра иностранных дел Всероссийского правительства Сазонова, войти в сношения с Верховным Правителем, представить ему доклад о положении дел на юге России и испросить указаний адмирала Колчака по нижеследующим основным вопросам ...выяснение вопроса о пределах власти в области как гражданского, так и военного управления; организация и условия дальнейшей работы отдельных ведомств на юге России в области как гражданского, так и военного управления, законодательства и суда; освещение Верховному Правителю взаимоотношений с существующими на юге России краевыми образованиями; изложение адмиралу Колчаку взглядов на решения, которые отвечали бы местным условиям»<sup>1</sup>.

В Париже делегация Особого Совещания смогла встретиться лишь с членами РПД, поскольку РПС уже прекратило свою работу как раз в день приезда деникинских представителей — 5 июля 1919 г. Это, однако, не повлияло на намерения установить контакты не столько с Русским Зарубежьем, сколько с политиками Франции и Англии. Драгомиров встречался, в частности, с премьером и военным министром Франции Ж. Клемансо, состоялись встречи с депутатами Парламента Вивиани и Тома. Делегации была назначена, правда, не состоявшаяся, аудиенция у короля Великобритании Георга V, с ведущими представителями иностранных государств<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. – София, 1921. – С. 168.

<sup>2</sup> Там же. – С. 141.

Особое Совецание настаивало на принципе т.н. «областной автономии», при которой входящие в состав России территории не могут претендовать на политическую самостоятельность. В финансовой сфере Париж настаивал на отказе от эмиссионной политики Особого Совецания и переходе к введению новой валюты, жестко привязанной к одной из иностранных денежных единиц<sup>1</sup>.

Отсутствие взаимопонимания между Парижем и белым Югом не означало тем не менее наличия непримиримых противоречий. Раскола не произошло, да и не могло произойти хотя бы потому, что делегация Особого Совецания встречалась с парижскими политиками после самороспуска РПС. Примечательно, что уже в 1920 г. по инициативе врангелевского правительства снова поднимался вопрос о восстановлении РПС в качестве международного представительства интересов Белого движения. При этом в проекте говорилось о генерале Врангеле, как о «Главкомандующем Русской Армией, преемственно восприявшем русскую власть от адмирала Колчака и генерала Деникина, возглавляющем... борьбу за национальное возрождение России»<sup>2</sup>.

Как итог, после завершения процесса признания Российского правительства другими белыми правительствами и фронтами деятельность РПС теряла значение «временного суррогата официального представительства русской единой государственной власти» в Зарубежье. В создавшихся условиях 5 июля 1919 г. РПС поставило вопрос о прекращении своей работы. Был отправлен запрос Верховному Правителю о продлении полномочий только для РПД, в качестве представительства Российского правительства на Мирной Конференции<sup>3</sup>.

Таким образом, РПД сохранила аппарат в виде Политического (во главе

---

<sup>1</sup> Цветков В.Ж. Заграница нам поможет? Финансовые проекты Белой России // Родина. – № 5. – 2005. –С. 98.

<sup>2</sup> Цветков В.Ж. Заграница нам поможет? Финансовые проекты Белой России // Родина. – № 5. – 2005. –С. 100.

<sup>3</sup> Там же. –С. 103.

с бывшим советником Сазонова, масоном, членом ЦК кадетской партии бароном Б.Э. Нольде), Юридического (во главе с членом ЦК кадетов, также масоном С.М. Аджемовым) и Финансово-Экономического (во главе с бывшим министром финансов П.Л. Барком) отделов. Но их состав был значительно сокращен. Решение Колчака существенно сужало сферу влияния политиков Русского Зарубежья. Чайковский усмотрел в этом «воссоздание старой системы» и отказ от привлечения к работе «общественно-политических элементов». Работа РПС и РПД до настоящего времени не стала еще предметом отдельного исследования в отечественной историографии. Нередко при характеристике их деятельности повторяется негативная оценка, данная Деникиным, делается акцент на «масонском характере» членства его участников. Более объективно оценил работу Сопещения и Делегации Мельгунов. Он считал, что, несмотря на неудачные попытки «достучаться» до европейских и американских политиков, РПС не только оказало реальную помощь российскому Белому движению (особенно в военном отношении), но и позволило осуществить, хотя и незначительно, координацию белых правительств и белых фронтов, как в общероссийском, так и в международном масштабе.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показывает, что политика Белого движения имела целью создание условий и предпосылок для образования завершенной, достаточно устойчивой, всероссийской государственной системы. Основным из характеризующих ее направлений было соблюдение правопреемственности, неразрывности в статусе и деятельности структур управления и в законодательной базе.

Правопреемственность исходила не только от программных установок Временного правительства (деятельность которого лидеры Белого движения оценивали в основном отрицательно), но и, в значительной степени от «дофевральской» и «дооктябрьской» России. Правопреемственность прослеживается в принятии белыми правительствами актов государственного управления, основанных на Своде законов Российской Империи, хотя и корректируемых применительно к изменившимся после февраля 1917 г. условиям, но не отвергаемых. Наиболее заметно это проявилось в формировании системы исполнительной власти, ориентированной на период «Думской монархии», и судебной власти, опиравшейся на традиции судебных уставов 1864 г. Преемственность выражалась в стремлении сохранить и персональную основу органов власти.

Многие из тех, кто занимал определенные должности и в дофевральской администрации, и в период Временного правительства, в той или иной форме (пусть и на других должностях, и в ином статусе) продолжали работать в структурах белых правительств, участвовали в деятельности политических организаций, поддерживавших Белое движение (С.Д. Сазонов, В.Н. Коковцев, А.В. Кривошеин, П.Л. Барк, М.В. Бернацкий, А.И. Коновалов, С.Н. Третьяков, Г.Е. Львов, Е.К. Климович и др.).

Полностью сохранялся существовавший до Октября 1917 г. аппарат международного представительства — посольств и консульств, хотя и с ограниченной «полнотой признания». Белые правительства признавали все

заключенные международные соглашения, финансовые обязательства как Российской Империи, так и Временного правительства. Неизменным провозглашался статус Русской Православной Церкви, утвержденный Поместным Собором 1917-1918 гг. И практически неизменными (на «дофевральском» уровне) оставались нормы гражданского, уголовного, административного, семейного права.

Отсутствовала, вместе с тем, определенность в вопросе формы правления и формы государственного устройства будущей России, в чем проявился принцип «непредрешения». Но необходимо учитывать, что акты отречения от Престола Николая II и непринятия Престола Михаилом Романовым еще не означали установления в России легитимного республиканского строя. Процесс формирования и эволюции идеологии Белого дела показывает, что в проектах будущего политического строя имела место тенденция к введению в России конституционной монархии или, хотя бы, возврата к «думской монархии» периода 1905-1917 гг. Несомненно слабыми были позиции сторонников возврата к «неограниченному самодержавию» и «республиканцев».

После февраля 1917 г. и в течение гражданской войны в России сложилась исключительная в своем роде ситуация, когда статус всероссийской государственной власти оспаривался тремя непримиримыми системами: Советской властью, «демократической контрреволюцией» и Белым движением, что в значительной степени усугубляло трагизм гражданского противостояния и раскола общества.

Что касается специфики разрешения «национального вопроса» в политических программах белых правительств, то здесь приоритетным принципом становилось признание важности согласования своих позиций в отношениях с возникшими после февраля-октября 1917 г. «государственными образованиями». Формально деятели Белого движения не игнорировали ни одного, даже самого незначительного, с точки зрения «всероссийских интересов», «образования». С ними велись переговоры,

заключались соглашения, делались попытки создания военно-политических коалиций (что было особенно характерно для последнего периода Белого движения — 1920-1922 гг.).

Наиболее приемлемыми формами будущего государственного устройства России признавались автономия (в политических программах 1918-1919 гг.) или федерация (в политических программах 1920-1922 гг.). Причем разница в понимании этих терминов (как считал проф. Крамарж) политиками и правоведами Белого дела была относительной. Возврат к унитарному варианту исключался. Наиболее сложные проблемы возникали в случае необходимости «признания» новообразования.

В заключении стоит отметить, что при изучении политического курса Белого движения нельзя отрицать существование в период гражданской войны реальной альтернативы антибольшевистской государственности — Советской власти. В РСФСР в жестких условиях гражданской войны функционировала Советская вертикаль представительной власти на разных уровнях. Советы в те годы можно оценивать как реальную общественную поддержку партийной власти большевиков (подобная же форма поддержки предполагалась и со стороны профсоюзных организаций). Это была исторически новая «вертикаль власти», отрицавшая принципы правопреемственности от «дореволюционного» политико-правового строя, легализовавшаяся с первых же дней марта 1917 г. и законодательно закреплённая в первых Конституциях Советских республик в 1918-1919 гг.

Наиболее углубленное изучение политико-правовой эволюции Советской власти в годы гражданской войны еще станет предметом новых исследований в отечественной историографии с учетом новых направлений анализа, а также открытием новых источников.

# ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

## I. ИСТОЧНИКИ

### 1.1. Опубликованные источники

- 1.1. Архив русской революции в 22 томах // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/33587> (дата обращения: 08.01.2018)
- 1.2. Астров, Н.И. Яское Совецание (из документов) – URL : <https://ns4.elar.ru/guide/1001/537063001/537085001/4887870005> (дата обращения: 10.01.2018)
- 1.3. Брусилов, А. А. Мои воспоминания / предисловие П. А. Жилина. – М.: Воениздат, 1983. — 256 с.
- 1.4. Вологодский, П.В. Из хроники антибольшевистского движения в Сибири/ П.В. Вологодский – Харбин, 1924. – 184 с.
- 1.5. Врангель, П.Н. Записки (ноябрь 1916 - ноябрь 1920): в 2-х кн./ П.Н. Врангель. – М.: Мысль, 1991. – 544 с.
- 1.6. Врангель, П. Н. Воспоминания / П.Н. Врангель. — М.: Терра, 1992. – 538 с.
- 1.7. Временное Положение об управлении Терским Войском, Владикавказ, 1919. – URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/22299#page/1/mode/grid/zoom/1> (дата обращения: 10.01.2018).
- 1.8. Гинс, Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920. / Г.К. Гинс. – М.: Айрис - Пресс, 2000. – 780 с.
- 1.9. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Август 1917-июнь 1918. / под ред. Иванцова. – М.: Демократия, 2003. – 1067 с.
- 1.10. Деникин, А. И. Очерки смуты. [в 5 т.]: Очерки Русской Смуты. Т. I. Крушение власти (февраль - сентябрь 7 г.) / А.И. Деникин. – Минск: Харвест. 2002. – 464 с.

- 1.11. Деникин, А. И. Очерки русской смуты. [в 5 т.]: Очерки Русской Смуты. Том II. Борьба Генерала Корнилова. (Август 1917 г. - апрель 1918 г.) / А.И. Деникин. – Харвест. 2002. – 422 с.
- 1.12. Деникин, А. И. Очерки русской смуты. [в 5 т.]: Очерки Русской Смуты. Том III. Белое движение и борьба Добровольческой армии / А.И. Деникин. – Харвест. – 2002. – 464 с.
- 1.13. Деникин, А. И. Очерки русской смуты. [в 5 т.]: Очерки Русской Смуты. Том IV. Вооруженные силы юга России. Распад Российской империи (Октябрь 1918 г. - январь 1919 г.) / А.И. Деникин. – Минск: Харвест. 2002. – 560 с.
- 1.14. Красный архив, 1926, № 2(15). – URL : <https://www.twirpx.com/file/1586369/>(дата обращения: 03.01.2018).
- 1.15. Лукомский, А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания / А.С. Лукомский – М.: Айрис - Пресс, 2012. – 752 с.
- 1.16. Маргулиес, М. Год интервенции (сентябрь 1918 - апрель 1919 гг.) / М. Маргулиес. – М.: Книга по требованию, 1923. – 364 с.
- 1.17. Милюков, П.Н. По поводу сообщения П.Н. Финисова / П.Н. Милюков // Последние новости. – 1937. – № 5825. – 77 с.
- 1.18. Офицеры русской гвардии в белой борьбе: Сборник воспоминаний. — М: Центрполиграф, 2002. – 815 с.
- 1.19. Постановления Большого Войскового Круга 26 мая –11 июня 1917 г. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009193892> (дата обращения: 10.01.2018).
- 1.20. Правительственный Вестник, Омск, № 51,69,115 – URL: <https://www.twirpx.com/file/1210241/> (дата обращения: 22.01.2018)
- 1.21. Свод законов Российской Империи, Т. 2. – URL : <http://www.runivers.ru/lib/book7372/> (дата обращения: 29.12.2017)
- 1.22. Текст Конституции Юго-Восточного Союза Казачьих Войск, Горцев Кавказа и Вольных Народов Степей.) – URL : <http://constitutions.ru/archives/2429>(дата обращения: 03.01.2018)

- 1.23. Чубинский М.П. На Дону (из воспоминаний обер-прокурора) / М.П. Чубинский // Донская Летопись . – 1923. – № 1. – С. 135.
- 1.24. Уфимское Государственное Совещание. Протоколы. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ufimskoe-gosudarstvennoe-soveshanie-dokumenty-i-materialy>( дата обращения : 24.12.2017.)

## **II. Исследования**

- 2.25. Абеленцев, В.Н. Амурское казачество XIX- XX вв./ В.Н. Абеленцев. – Благовещенск: Амурская ярмарка, 2004. – 348 с.
- 2.26. Абинякин, Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение.1917-1920 гг. / Р.М. Абинякин.– Орел: Воробьев, 2005. – 203 с.
- 2.27. Авдошкина, О.В. Формирование антибольшевистских правительств в Сибири и на Дальнем Востоке / О.В. Авдошкина // История Белой Сибири. – Кемерово, 2003. – С. 31-44.
- 2.28. Агуреев, К.В. Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь - март 1920 / К.В. Агуреев – М.: Воениздат, 1961. – 320 с.
- 2.29. Акулинин, И.Х. Оренбургское Казачье Войско в борьбе с большевиками. 1917-1920. / И. Х. Акулинин – Шанхай, 1937. – С. 33–38.
- 2.30. Алексащенко, А. П. Крах деникинщины / А.Д. Алексащенко – М.: Издательство МГУ, 1966. – 290 с.
- 2.31. Базанов, С.Н. Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.) / С.Н. Базанов. – М.: Институт Российской истории РАН , 2003. – 25 с.
- 2.32. Бовыкин, В.И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции / В.И. Бовыкин – М.: Наука, 1988. - 152 с.
- 2.33. Головин, Н.И. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. / Н.И. Головин – Париж, 1937. – Кн.2. – С.37-38.

- 2.34. Грэвс, У. Американская авантюра в Сибири (1918-1920). / У.Грэвс // Историк- марксист – Москва, 1932. – №6. – С. 129-136.
- 2.35. Гуковский, А. Аграрная политика Врангеля // Разгром Врангеля. – М.: Наука, 1958. – 88 с.
- 2.36. Денисов, С.В. Белая Россия / С.В. Денисов. – СПб.: Букинистическое издание, 1991. – 128 с.
- 2.37. Думова, Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром / Н.Г. Думова. – М.:Наука, 1982. – 416 с.
- 2.38. Жилин, А. П. Последнее наступление: июнь 1917 года / А.П. Жилин. – М: Наука, 1983 – 103 с:
- 2.39. Иванов, Н.Я. К истории корниловщины / Н.Я. Иванов. //Красная летопись. – № 1 (10). – 1974. – С. 207-217.
- 2.40. Иоффе, Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов / Г.З. Иоффе. – М.: Наука, 1989. – 292 с.
- 2.41. Иоффе, Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах / Г.З. Иоффе. – М.: Мысль, 1983. – 296 с.
- 2.42. Иоффе, Г.З. Крах российской монархической контрреволюции / Г.З. Иоффе. – М.: Наука, 1977. – 320 с.
- 2.43. Ипполитов, Г.М. Генерал Деникин / Г.М. Ипполитов. – М.: Молодая гвардия, 2000. – 665 с.
- 2.44. Кавтарадзе, А.Г. Военные специалисты на службе республики Советов. 1917-1920 гг. / А.Г. Кавтарадзе. – М.:Наука, 1988. – 276 с.
- 2.45. Казанчиев, А.Д. Белое движение / А.Д. Казанчиев // Башкирская энциклопедия. – т.1.– Уфа, 2005. – С. 420 - 432.
- 2.46. Какурин, Н.Е. Как сражалась революция / Н.Е. Какурин – М.: Политиздат, 1990. – 431 с.
- 2.47. Карпенко, С.В. Крах последнего белого диктатора / С.В. Карпенко – М.: Знание, 1990. – 64 с.
- 2.48. Карпенко, С.В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917-1920 гг.) / С.В. Карпенко - М.: Издательство Ипполитова, 2006. – 456 с.

- 2.49. Катков, Г.М. Дело Корнилова / Г.М. Катков. – М.:Русский путь, 2002. – 240 с.
- 2.50. Кин, Д. Деникинщина / Д. Кин. – М.:Прибой,1927. – 275 с.
- 2.51. Кириенко, Ю.К. Крах калединщины / Ю.К. Кириенко. – М.: Мысль, 1976. – 246 с.
- 2.52. Корнатовский, Н.А. Разгром контрреволюционных заговоров в Петрограде в 1918-1919 гг. / Н.А. Корнатовский. – Л.: Лениздат ,1972. – 87 с.
- 2.53. Клименко, В.А. Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917– 1920 гг. / В.А. Клименко. – М.: Наука,1978. – 202 с.
- 2.54. Краснов В.Г. Колчак. И жизнь и смерть за Россию. Кн. 1-2 / В.Г. Краснов. – М.: Олма – Пресс , 2000. – 784 с.
- 2.55. Лембич, М. Великий печальник / М. Лембич. – Омск, 1949. – 63 с.
- 2.56. Лембич, М. Политическая программа генерала Л.Г. Корнилова январских дней 1918 г. Т. 2-3. – Омск, 1958. – 235 с.
- 2.57. Лехович, Д. Деникин. Жизнь русского офицера / Д. Лехович. – М.: Евразия, 2004. – 888 с.
- 2.58. Львов Ф. Учреждение Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека / Ф. Львов // Донская летопись. – 1923.– № 1. – С. 260-273.
- 2.59. Марковчин, В. Три атамана / В. Марковчин. – М.: Звонница - МГ, 2003. – 336 с.
- 2.60. Медведев, В.Г. Белое движение как результат кризиса политико-правового развития России в 1917-1918 гг. / В.Г. Медведев. – М.: Юрист, 2002. – 260 с.
- 2.61. Организация власти на юге России в период гражданской войны / под ред. В.В. Кулакова // Архив русской революции. Т. 4.,1952. – 458 с.
- 2.62. Плотников, И.Ф. А.В. Колчак / И.Ф. Плотников // Белая армия. Белое дело – Екатеринбург,1994 – № 2. – С. 19-28.
- 2.63. Поликарпов, В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905 - 1917. / В.Д. Поликарпов – М.: Наука, 1990. – 381 с.

- 2.64. Ратушняк, О.В. Политические искания донского и кубанского казачества в годы гражданской войны в России (1918-1920 гг.) / О.В. Ратушняк // Белая Гвардия. - 2005 – № 8. – С. 63-68.
- 2.65. Ростунов, И. И. Генерал Брусилов / И.И. Ростунов. – М.: Воениздат, 1964. – 246 с.
- 2.66. Ростунов, И. И. Русский фронт Первой мировой войны / И.И. Ростунов. – М.: Наука, 1965. – 387 с.
- 2.67. Севостьянов, Г.Н. Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т.1 / Г.Н. Севостьянов. – М.: Международный фонд «Демократия», 2003.– 565 с.
- 2.68. Сельвинский, И.Л. Генерал Брусилов / И.Л. Сельвинский. – М. – Л.: Искусство, 1943. – 136 с.
- 2.69. Скобцов, Д.Х. Три года революции и гражданской войны на Кубани / Д.Х. Скобцов // Кубань. –1991. – №5. – С.73-81.
- 2.70. Слободин, В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России (1917-1922 гг.) / В.П. Слободин. - М.: Наука, 1996. – 156 с.
- 2.71. Соколов, К.Н. Правление генерала Деникина / Л.М. Соколов. – София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. – 304 с .
- 2.72. Спириин, Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917 - 1920 гг.) / Л.М. Спириин – М.: Мысль, 1968. – 437 с.
- 2.73. Тахо-Годи, А. Революция и контрреволюция в Дагестане / А. Тахо-Годи. – Махачкала, 1927. – 204 с.
- 2.74. Федюк, В.П. Антибольшевистское движение на юге России. 1917-1918 гг. / В.П. Федюк. – М.: Мысль, 1996. – 153 с.
- 2.75. Хартлинг, К.Н. На страже Родины. События во Владивостоке. Конец 1919 -начало 1920 г./ К.Н. Хартлинг. – Шанхай, 1935. – С.13-19.
- 2.76. Цветков, В.Ж. Государственное Совещание / В.Ж. Цветков. – М.: Политиздат, 1960. – 254 с.
- 2.77. Цветков, В.Ж. Заграница нам поможет? Финансовые проекты Белой России. / В.Ж. Цветков. // Родина. – № 5. – 2005. – С. 100-104.

- 2.78. Четыркин, А. В. Развал тыла и разложение армий Деникина / А.В. Четыркин // Историческое записки. – 1941. – №12. – С.3– 38.
- 2.79. Шерман, И. Первые исследования по истории Гражданской войны / И. Шерман // Военно-исторический журнал. – 1964.- № 7. - С. 99-102.
- 2.80. Яковлев Н.Н. Последняя война старой России / Н.Н. Яковлев – М.: Просвещение, 1994. – 253 с.